

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Сенсация
по заказу*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Сенсация по заказу

Серия «Марш Турецкого»

текст книги предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169352

Сенсация по заказу: Роман / Ф. Е. Незнанский.: Олимп: АСТ; М.; 2007

ISBN 5-17-039713-5, 5-7390-1957-5

Аннотация

В зените славы и на пороге нового открытия кончает жизнь самоубийством выдающийся биофизик. Нелепая и немыслимая смерть для деятельного и жизнелюбивого человека! Друзья не верят в его добровольный уход из жизни и настаивают на возобновлении расследования по этому делу. А. Б. Турецкому приходится погрузиться в заповедный мир большой науки, в котором царят поистине шекспировские страсти и который легко совмещает гениев и злодейства.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	40
Глава третья	69
Глава четвертая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Фридрих Евсеевич Незнанский Сенсация по заказу

Глава первая

Когда Александр Борисович стряхнул пепел в собственный коньячный бокал, то понял, что вот теперь уже точно пора уходить.

Турецкий маялся на приеме, на который его обязало пойти начальство. Прием, правда, был не совсем прием – вечеринка после пресс-конференции, которую давали руководители Генпрокуратуры – Кудрявцев и Меркулов, рассказывая об успехах своего ведомства. Как заявил генеральный, такова новая маркетинговая политика их ведомства. Для этих государственных целей был арендован зал в «Рэдиссон-Славянской», и все удалось на славу. Карпаччо из оленины, печень молодого теленка, жульены с грибами и птицей, семга и осетрина, устрицы, наконец! И – не грело. Ну вот не грело, и все.

После самой пресс-конференции боссы оперативно смылись, оставив вместо себя нескольких высокопоставленных сотрудников – Турецкого в том числе – для неформального

общения. Оно и состоялось. Представители прессы смаковали угощение и сплетничали.

Это не было ярмаркой тщеславия, скорее рекой забвения. Люди пытались забыться, снять ежедневное напряжение, отдохнуть от обязательных крысиных бегов. Турецкий их за это не осуждал, скорее, наоборот, сочувствовал. И потому не мог не признать, что идея генерального удалась. Пиар из этой акции получится. Иной раз, чтобы заставить к тебе людей нормально относиться (даже если они, страшно сказать, журналисты!), достаточно их хорошо накормить.

На самом деле он выпил немного, но перед тем двое суток был на ногах (черт бы побрал эту Лабораторию Белова, хоть о покойниках плохо и нельзя, но ведь работа такая), почти не вспоминал про еду и, разумеется, беспрерывно пил кофе. Так что теперь алкоголь на утомленный и голодный организм, даже такой закаленный, мог в любой момент подействовать сокрушительно. Турецкий отдавал себе в этом отчет, и на подвиги его, слава богу, не тянуло.

А журналисты, нельзя было не отдать им должное, здорово набрались. Неподалеку топтались несколько человек, хваставших друг перед другом своей компетентностью и уровнем проникновения в высшие сферы.

– Эка невидаль – администрация президента, – презрительно сказал спецкор «Комсомолки». – А вот кто, например, разбирается в странах бывшей Югославии?! Тут же сам черт ногу сломит! Кто из них кто? Где там мусульмане, где

христиане? И вообще, где они все расположены?!

– Это-то как раз несложно, – пробормотал Турецкий и потыкал пальцем в воздух: – Тут Сербия и Черногория. Там Хорватия... Здесь Босния, Герцеговина. А вот тут Словения...

– А ведь похоже!

Журналисты посмотрели на воображаемую карту и заржали. Вспомнили о присутствии знаменитого следователя и оживились.

– Александр Борисович, какие планы на будущее? – раздался вопрос.

Турецкий скривился:

– Слушайте, ребята, я же не писатель и не рок-звезда...

– И все-таки?

Стало тихо, и было слышно, как Турецкий вздохнул.

– Ну, может, куплю себе небольшой ресторанчик... Фаст-фуд.

– Правда?!

– Знаете, как говорят? Правительства приходят и уходят, а «макдоналдсы» вечны.

Журналисты снова засмеялись и больше с вопросами не лезли. И на том спасибо.

– Александр Борисович, иди сюда! – отсалютовал рюмкой знакомый обозреватель широкого профиля Виктор Кречетов. Они с Турецким иногда делились друг с другом информацией, и не без обоюдной пользы.

Александр Борисович сделал было вялое движение навстречу Кречетову, но и то не вышло, потому что на руке вдруг повисла блондинка неопределенного возраста. Турецкий посмотрел на нее вопросительно, и блондинка интимно проворковала:

– А правду говорят, Александр Борисович, что вы сообщаете быстрее, чем компьютер?

– Соображать я сегодня больше не могу... – честно признал Турецкий.

– Очень мне надо, чтоб вы соображали, – прозрачно намекнула блондинка. – Это ж я – разговор поддержать. В смысле завязать. Точнее...

Но Турецкий продолжил мысль:

– ...и значит, если Декарт прав, уже не существую. Блондинка обиделась и двинулась в направлении Кречетова.

У Александра Борисовича зазвонил мобильный. Это была жена.

– Саш, ну где ты застрял? – поинтересовалась супруга. – На работе тебя нет, – великодушно сообщила она, предупреждая возможное вранье.

– А жаль, что нет, – вздохнул Турецкий. – Ну, пожалуй, я скоро приеду.

Он неопределенно махнул рукой – попрощался со всеми разом – и вышел на улицу. Кивнул швейцару, и меньше чем через минуту перед ним распахнули дверцу такси.

– Куда едем, командир? – спросил таксист.

– Чтобы докопаться до подоплеки преступления, до сути любой задачи, надо всего лишь выбрать относящийся к данному вопросу факт, который еще не объяснен, и найти его реальное объяснение.

– Ясно, – откомментировал таксист. – Катаемся, что ли, просто? Обзорная экскурсия по городу? Таган-ка-Ваганка?

– Ну нет! – своевременно сконцентрировался Турецкий. – На Фрунзенскую набережную.

Кнопка в стене горела, лифт явно работал, жужжал где-то сверху, но почему-то никак не приезжал. Турецкий стал подниматься по лестнице. На втором этаже вспомнил, что не проверил почтовый ящик. Повернулся было, и тут же кто-то схватил его сзади за горло и одновременно ударил в низ живота. А потом, наклоняясь вперед, бросил через спину. Турецкий покатился по ступенькам – в глазах померкло от боли. На площадке он сумел собраться и встать на колени. Куда смотрит консьержка, мелькнула совершенно нелепая в данных обстоятельствах мысль. Нападавший уже настиг его и ударом ноги отбросил к стене. Добивать не спешил. Турецкий кое-как поднялся и увидел перед собой молодого человека с заурядными чертами лица и прозрачными, будто выцветшими глазами. Раздался характерный щелчок – Александр Борисович понял, что это кнопочный нож, и в тот же момент увидел тускло блеснувшее лезвие. На сей раз он успел увернуться, и нож ударил в стену. Нападавший снова

ударил ногой, точнее, попытался коротко выбросить вперед правую ногу. И Турецкий встретил его голень предплечьями скрещенных рук, схватил за пятку и рванул на себя. Прием был коварный – дальше Турецкий должен был, нажимая руками на коленный сгиб, а плечом на стопу противника, бросить его на пол и нанести решающий удар ногой... Ничего этого не произошло. Нападавший отскочил как мячик. Сделал какой-то фантастический кульбит, скатился по лестнице и исчез.

Не то хулиган, не то ниндзя...

Кряхтя от каждого движения, Турецкий подобрал нож.

Сверху открылась дверь. В дверном проеме появился сосед с газетой в одной руке и бутербродом в другой.

– Что происходит? – спросил сосед. – Александр Борисович, это вы? Что случилось?

– Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, – пробормотал Турецкий, приходя в себя. – Статья сто двенадцатая, часть первая.

– А?... Александр Борисович, что вы бормочете?

– С лестницы брякнулся, – вздохнул Турецкий. – Банкет, и все такое...

– Понятно, – хмыкнул сосед.

Турецкого он знал давно и удивился несильно. Дверь захлопнулась.

А что, подумал Турецкий, действительно ведь, с лестницы звезданулся. Главное, всегда, во всех обстоятельствах, гово-

ритель правду. Даже когда врешь. Тогда совесть твоя будет чиста. Как обглоданная кость.

— Что с тобой? — спросила Ирина, едва он вошел в квартиру.

Хорошо, что на лице видимых повреждений не было.

Турецкий сделал вид, что у него чешется спина, подвигал плечами, а потом почесал спину под правой лопаткой. Он понял, что вопрос жены носил общий характер и мог относиться к чему угодно, то есть конкретно ни к чему. Значит, пронесло. Ирина не настаивала, или, возможно, его спас лишь внезапный и загадочный поворот в ходе ее размышлений, один из тех, что случались у нее довольно часто. Она стала говорить о какой-то знакомой, о том, как та не сдержала обещание, данное ею в связи с каким-то делом, связанным с их общей учебой, что плохо, по ее мнению, характеризовало ту знакомую (Турецкому, кстати, совершенно неизвестную.) Посредством нескольких замечаний и междометий, вставленных в тех местах ее монолога, которые казались ему наиболее важными, он поддержал и развил это направление ее критики. Ирина осталась при мнении, что Турецкий ее полностью понял и даже разделил ее точку зрения. Так кто тут психолог, господа присяжные и заседатели?

Турецкий так ничего не сказал. Принял три таблетки аспирина и долго отмокал в ванной с морской солью. А нож аккуратно упаковал в пластиковый пакет и положил в портфель.

Утром Турецкий варил кофе. Медная турка на четыре чашки, подарок Славы Грязнова, руке Александра Борисовича была уже привычнее, чем пистолет или клавиатура компьютера. Да и кофе был превосходный – «Карт нуар» в зернах, презент Грязнова, только уже младшего, Дениса. Аромат по кухне распространялся такой, что жена, изучавшая увлекательный психологический трактат Берна «Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры», книжку отложила и тревожно потянула носом.

– Знаешь, Ирка, – сказал Турецкий, – кажется, меня все больше увлекает кулинария. Выйду на пенсию, стану эдаким Ниро Вульфом – гурманом и гастрономом.

Пять минут назад Александр Борисович собственноручно вынул из тостера (подарок Кости Меркулова) аккуратные горячие хлебцы и мастерски намазал их вишневым джемом, поэтому у него были все основания так говорить.

– У Ниро Вульфа повар имелся, – откликнулась Ирина Генриховна. – Хотя, наверно, он бездельничал побольше твоего. По крайней мере, постоянно дома торчал.

– Он вообще не выходил, – уточнил Турецкий. – И дом у него был свой.

– И все загадки криминальные, плюя, разгадывал, – поддела жена. – Думаешь, в твоей Генпрокуратуре он бы не справился?

– Черта с два, – хмыкнул Турецкий.

– Почему?

– Во-первых, в двери бы не пролез.

– Ну, Саш, я же серьезно интересуюсь!

С некоторых пор Ирина Генриховна действительно проявляла к работе мужа недюжинный интерес. А не так давно Турецкий с изумлением обнаружил в домашнем компьютере файл под названием «диплом», а в нем заголовок: «Характерология делинквент-ного (преступного то есть; ну и термин изобрели!) поведения». Оказалось, блестящий музыкальный педагог Ирина Генриховна Турецкая учится на психологическом отделении Центра эффективных технологий обучения, занимающегося профессиональной переориентацией, и намерена в ближайшем будущем стать специалистом в области психологии преступников и преступлений!

Чего только в жизни не случается, и чаще всего случается так, что наибольшие сюрпризы преподносят самые близкие и, казалось бы, хорошо знакомые люди...

– И я не шучу, – сказал Турецкий. – В нашей работе столько бессмысленных телодвижений и бюрократической ерунды, что любой литературный сыщик съел бы собственную трубку и ушел в повара. Правда... – тут он подержал театральную паузу, – с другой стороны, без этой тягомотины совершенно невозможно работать.

Ирина удивленно посмотрела на него. Турецкий молчал. Последнее время ему доставляли удовольствие такие вот разговоры ни о чем с собственной женой. Кто бы мог поду-

мать?

– Не понимаю, – призналась она.

– Сейчас объясню. Какая самая рутинная работа на свете?

– Разучивание гамм на рояле, – не без гордости ответила она.

– Так и знал, что ты это скажешь, – ухмыльнулся Турецкий. – А почему?

– Да ни почему. Жуткая тоска. С другой стороны, невозможно представить пианиста, который бы через это не проходил.

– Нет, ты все-таки ответь, – настаивал Турецкий, – в чем специфика этого занудства? И что оно дает?

– Ну хорошо. – Ирина ненадолго задумалась. – Тут, пожалуй, важно, что при разучивании гамм не только увеличивается гибкость пальцев, приобретается техника игры, но и устанавливаются зависимости между отдельными звуко-сочетаниями и мышечными сокращениями. Ферштейн?

– Более-менее. То же самое и в моей работе. Пользуясь полуфабрикатами – прецедентами и опытом, который, как известно, сын ошибок трудных, удастся решать головоломки, на которые человеку неподготовленному, непрофессионалу, понадобились бы годы аналитической работы.

Ирина наморщила лоб:

– Здесь есть прямая причинно-следственная связь?

– Едва ли. Назовем это интуицией.

– То есть у тебя она на высоте? – спросила-резюмировала

супруга, хитро глядя куда-то позади него.

— А то! — скромно констатировал Турецкий, не обращая внимания на плитку. — Мало примеров, что ли?

В этот момент у него убежал кофе.

По радио негромко играл джаз. Турецкий держал руки на руле и думал: «Безусловно, логика и здравый смысл — мои лучшие качества. Ну, по крайней мере, логика. А значит, я должен бы делать все, чтобы удовлетворить свое честолюбие. Не надо только требовать трезвого взгляда на жизнь от жены и дочери, и тогда я буду просто обречен на успех. В идеале. Но что такое успех в моем положении? Стать генеральным прокурором? Боже упаси. М-мм... Пожалуй, не стоит расставлять точки над „и“, в жизни есть и другие приятные вещи. Скажем, работа помощника генерального прокурора...»

Положа руку на сердце и другие жизненно важные органы, можно было признать, что не такая уж она и скучная, как это принято считать друзьями и знакомыми и как привык расписывать сам Александр Борисович. Если какая-то проблема упорно не желает решаться, иной раз можно позволить событиям идти своим чередом и тогда через некоторое время не без удивления обнаружить, что все уже, оказывается, устроилось наилучшим образом. Вот сейчас он, например, стоит в угнетающей пробке, вызванной, скорее всего, проездом какого-нибудь начальственного кортежа через Кутузовский проспект, и единственным внятным желанием

является выхватить табельное оружие и разрядить обойму в воздух. Или не в воздух. Хорошо, что табельное оружие благополучно лежит в сейфе на работе, да-а...

Турецкий убрал музыку и поискал какие-нибудь новости. Приятный женский голос сообщил: «Половина наших соотечественников убеждены, что в стране уже созданы благоприятные условия для развития крупного бизнеса. Столько же россиян относятся к „акулам капитализма“ положительно. Правда, при этом многие люди уверены, что больших денег в России честно заработать невозможно. Такие парадоксы в оценке чужого богатства выявил последний опрос фонда „Общественное мнение“.

Александр Борисович хмыкнул и вернул джаз.

Пробка не рассасывалась. Турецкий на всякий случай позвонил на работу и предупредил, что опаздывает. Машины продвигались на пару метров и снова останавливались. Пробка.

Степень раздражительности водителя зависит от того, как он относится к окружающей обстановке. Раздражать может все: пробки, мигалки, нарушения правил другими. Турецкий считал, что нужно просто относиться ко всему этому, как к должному. (Другое дело, что не всегда удавалось.) Пробки и хамство – это нечто само собой разумеющееся. Главное – поставить цель: доехать от пункта А к пункту Б без всяких проблем. Не замечать хамов, относиться к ним, как к больным людям, которых можно только лечить. И придер-

живаться золотого правила «трех Д»: «Дай Дорогу Дураку».

Спустя полчаса он подъехал на Большую Дмитровку, припарковался, заглушил двигатель и вышел из машины, но тут, как водится, зазвонил мобильный. Звонок был какой-то глуховатый, даже далекий. Может, это не у него? Турецкий хлопал себя по карманам и телефона не нашел. Забыл дома? Нет, он же звонил на работу. Да где же телефон?! Турецкий со злостью захлопнул дверцу машины, и звонок стал еще тише – телефон лежал в бардачке. Турецкий открыл дверцу и забрался в кабину.

– Алло?

– Александр, ну где ты, в конце концов?! – Это был Меркулов. Верный друг, соратник и босс редко оставлял его в покое.

– Вообще-то я пытаюсь попасть на работу, – сдержанно ответил Турецкий.

– Вот и я о том же! Давай уже скорее. Тут тебя ждут.

– Кто?

– Сам увидишь, поторапливайся. Сразу ко мне.

Турецкий наконец выбрался из машины окончательно и кивнул проходившему мимо знакомому следователю. Тот приподнял брови – сделал малопонятный жест, словно предупреждал о какой-то опасности. Интересно, какая же опасность может грозить у здания Генпрокуратуры? Впрочем, после вчерашнего нападения у себя в подъезде он бы ничему не удивился. И кстати, хорошо, что Меркулов сразу вызвал

его к себе: Турецкий хотел с ним поделиться этой историей.

Через несколько минут он вошел в приемную заместителя генерального прокурора по следствию. Секретарша приветливо улыбнулась:

– Вас ждут, Александр Борисович.

В кабинете Меркулова помимо хозяина находился неизвестный мужчина лет сорока. Впрочем, сорока ли? Очень ухоженный и поджарый, явно в хорошей физической форме. Вполне возможно, ему сорок пять – сорок восемь. Да и неизвестный ли? Что-то в его внешности показалось Турецкому знакомым. Крупный темноволосый мужик с четко очерченным подбородком. Уверенный в себе, но в то же время как будто чем-то и взволнованный. В вельветовых брюках и неплохом пиджаке. Без галстука, как, кстати, и Турецкий. На безымянном пальце левой руки перстень с каким-то камнем.

– Знакомьтесь, – сказал Меркулов, подмигивая Турецкому. – Александр Борисович Турецкий. Герман Васильевич Шляпников.

Шляпников, Шляпников... Шляпников! Ну, конечно. Вот почему физиономия этого типа показалась Турецкому знакомой. Шляпников. Миллионер, олигарх, и прочая, и прочая, и прочая. Из тех, кто нечасто светится в «ящике», и потому не слишком на слуху. Впрочем, олигарх вряд ли, олигарх – это все же человек, обладающий политической властью или хотя бы влиянием, а Шляпников – просто очень богатый человек и в политике не светился. Король фармацев-

тической империи, как ее там... Хотя вроде бы в каком-то политическом контексте он про Шляпникова слышал или читал... Или нет? Что-то было... Да не все ли равно?

– У Германа Васильевича деликатная проблема, которой он хочет с тобой поделиться, – продолжил Меркулов. – Он все расскажет, и мое присутствие, думаю, необязательно.

Кто бы сомневался, подумал Турецкий. Богатенький Буратино со своими деликатными проблемами. Где мой лобзик? А Костя тоже хорош: милости просим, конечно, господин Турецкий вас примет – всенепременно, с нашим удовольствием!

– Прошу в мой кабинет, – хмуро сказал Александр Борисович, не считая нужным прятать свои эмоции. В конце концов, он сейчас у себя дома. Почти как Ниро Вульф.

В кабинете Турецкого было только одно кресло, и в нем сидел хозяин. Под Шляпниковым оказался жесткий стул, на котором посетители обычно долго не выдерживали – на то был и расчет.

– Шляпников, Шляпников. Кажется, был такой знаменитый революционер? – припомнил Турецкий. – Из тех, кто Октябрьский переворот готовил, верно?

– И из тех, кто тридцать седьмой год не пережил, – кивнул Шляпников.

– Вы не родственники?

– Как говорится, даже не однофамильцы. Турецкий решил, что лирического вступления довольно.

– Так чем же могу быть полезен?

– Надеюсь, можете, – вздохнул Шляпников и... погрузился в молчание.

– Слушаю вас, слушаю, – не самым любезным тоном напомнил Турецкий.

Однако Шляпников больше говорить ничего не стал, он положил на стол конверт. Сантиметров двадцать на пятнадцать. Написано на нем ничего не было.

Этого еще только не хватало, подумал Турецкий. Что, черт возьми, вообще происходит?! Он почувствовал взгляд Шляпникова и поднял на него глаза. Шляпников смотрел печально и как бы немного сочувствующе, словно гадалка на Арбате.

– Пожалуйста, покороче, у меня крайне мало времени, – сказал Турецкий.

– Так вот же, – кивнул Шляпников на конверт.

– Что там? – спросил Турецкий.

– А вы посмотрите.

– Вы скажите, и я посмотрю.

– Неужели не любопытно? – Шляпников выказал некое подобие удивления.

Турецкий равнодушно молчал, на самом деле все больше внутренне раздражаясь.

– Там фотография, – сдался Шляпников.

– Одна?

– Да.

– Чья?

– Моя.

Турецкий открыл конверт, встряхнул его, и на стол действительно выпала фотография. На ней был Шляпников. Он сидел в шезлонге на каком-то пляже. Вокруг его головы была нарисована мишень, рядом надпись: «Скоро». Выглядело все это очень недвусмысленно.

– Так... – Вставать было лень, но мысленно Турецкий пару раз прошелся по кабинету. – По почте пришло? Хотя на конверте ничего нет – ни адреса, ни штемпеля... Как вы это получили?

Шляпников развел руками:

– Просто лежало на рабочем столе. Среди деловых бумаг. Вчера вечером присел разгрести текучку и – вот...

– А секретарша что говорит?

– При чем тут секретарша? Я конверт у себя дома нашел.

– Ого! – На этот раз пауза Турецкого затянулась.

– И что мне теперь делать? – не выдержал Шляпников. – И чего ждать?

– Понятия не имею. Может, это просто шутка ваших домашних.

– Исключено.

– Тогда друзей. У вас есть какие-то предположения?

– Ни малейшего, – удрученно произнес Шляпников.

Турецкий закурил. Шляпников глянул на пачку сигарет, лежавшую на столе, – «Давидофф».

– А я вот не люблю дорогие сигареты, – признался олигарх. – Как привык с юности ко всякой дряни, так вот «Яву» и смолю.

– При чем тут цена, – возразил Турецкий, – просто «Давидофф» длиннее стандартных сигарет на четверть, дольше курится... Ладно, давайте подытожим. Ситуация, которую вы мне обрисовали, требует оперативного вмешательства. И возможно, весьма нестандартных действий. А возможно, ничего не требует.

– Честно говоря, у меня какое-то нехорошее предчувствие.

– Лишняя мнительность вам сейчас ни к чему. Забудьте про свое предчувствие.

Турецкий внимательно смотрел на Шляпникова. Впечатления истерика тот не производил. Ирине бы его показать. В качестве учебного пособия... Ну уж нет, нечего факультативы устраивать! Ей и так хватает.

Турецкий собрался с мыслями:

– Вот что, Герман Васильевич. У меня есть друзья, которые занимаются частным сыском, довольно ушлые ребята... и на вашем месте я бы...

Шляпников сунул руку в карман за своими сигаретами. Тут Турецкий, к своему изумлению, заметил, что на рукавах безукоризненного пиджака олигарха пришиты налокотники. Шляпников заметил этот взгляд, чуть улыбнулся и пояснил:

– Люблю носить одежду долго. Для того чтобы привык-

нуть к вещи и признать ее своей, мне требуется время. А зачем потом отвыкать от нее, когда случается мелкая неприязнность? Вы меня понимаете?

Турецкий кивнул. Он и сам приходил на работу в джинсах всегда, когда знал наверное, что шефа в офисе не будет. То есть практически через день.

Портрет олигарха складывался нетипичный. То есть не олигарха. Назовем его неолигархом. А с другой стороны, какие они, типичные миллионеры? Турецкий потер виски, пытаясь сосредоточиться.

– Где ваша квартира?

– В Крылатском. На Осенней улице.

– А офис?

– Здесь недалеко. – Шляпников мотнул головой куда-то вбок. – На Тверском бульваре.

Турецкий на мгновение задумался:

– Значит, сейчас вы живете в городе?

– Ну да.

– А на работу как ездите?

– Через Рублевку и Кутузовский.

– Практически президентский маршрут, – пробормотал Турецкий.

– Вроде того, – немного улыбнулся Шляпников. – А почему вы спрашиваете?

– Пока не готов ответить. Может пригодиться. Вас охраняют по дороге?

– Ну разумеется.

– У кого есть ключи от квартиры?

– У меня и жены.

– А служба безопасности как же?

– Да, у Свиридова есть.

– Это кто?

– Начальник охраны. Но он сейчас на больничном и ключи никому не передавал.

– Вы в нем уверены?

– Да.

Турецкий слушал внимательно, но еще более настороженно следил за мимикой и построением фраз. Неолигарх говорил не раздумывая, и ничто не свидетельствовало о том, что он лукавил. Ну немного взвинчен человек. Это естественно в такой ситуации. А в какой ситуации? Есть ли вообще ситуация? Неужели действительно придется с этим разбираться?!

– Кроме того, квартирой этой никто, кроме меня, не пользуется, – добавил Шляпников. – Жена фактически все время живет за городом.

– У вас там дом?

– Ну конечно.

– Где именно?

– В Архангельском. Точнее, недалеко.

– А как часто вы пользуетесь квартирой?

– Пять дней в неделю... Да, простите! Я же не сказал самое главное. Или не самое – это вам судить. Я только вчера

приехал. Меня две недели не было в городе.

– Уезжали по делам?

– Отдыхал.

– Где?

– На Черном море. На яхте катался.

– С женой?

– Да, и в компании. Могу представить свидетелей, – чему-то непонятно улыбнулся Шляпников.

– А дети у вас есть, Герман Васильевич?

– Нет... То есть что я говорю?! Есть дети от первого брака. Две дочери. Но они сейчас за границей со своей матерью. – Шляпников махнул рукой, как бы показывая, что эта деталь совершенно неважна. – Черт возьми, Александр Борисович, мне все это ужасно не нравится. Разве бывают настолько идиотские анонимные шуточки?

Откровенно говоря, Турецкому было все равно. Но он все же сделал над собой усилие:

– Бывают похуже. Вы – богатый человек. И публичный к тому же, значит, привлекаете к себе повышенное внимание.

– Похуже? – Шляпников ткнул пальцем в конверт. – Вы только посмотрите! Никаких недомолвок, все четко и ясно как божий день. Кто-то хочет меня убить.

– Тут не сказано, что непременно убить, – уточнил Турецкий. – Пока только угрожает. Возможно, просто хочет напугать.

– Допустим! Допустим. Но ведь я ума не приложу, кто,

зачем, когда и как собирается это сделать. Можете вы хотя бы попытаться выяснить, кто это послал?

Турецкий внимательно осмотрел конверт и фотографию:
– Можем попытаться. Отпечатки пальцев, какие-нибудь следы... Но, откровенно говоря, по-моему, дело гиблое. Надо искать с другого конца. Вы сами должны знать, кому наступили на хвост. У вас большой бизнес, наверно, есть и недоброжелатели.

– Бросьте, сейчас же не девяностые! Конкуренты действуют по-другому. Это какая-то уголовщина. То есть... я хочу сказать, тут работает человек не из моего круга.

– Вам виднее, – не стал спорить Турецкий. Шляпников достал следующую сигарету.

– Александр Борисович, вы же понимаете, зачем я здесь. Я хочу заручиться гарантированной защитой и готов за это отблагодарить. – Он говорил очень быстро, казалось, что слова наскакивают друг на друга. Все указывало на физическое и нервное напряжение. Турецкий скривился:

– Состава преступления нет. Дело завести невозможно. Как я уже сказал, могу посоветовать хорошее детективное агентство. Они приставят к вам охрану, если вы своей не доверяете или не уверены в ее профессионализме. – Турецкий нашел в столе визитку Дениса Грязнова и протянул Шляпникову.

Шляпников прочитал:

– Частное охрannое предприятие «Глория». Турецкий

кивнул:

– Там работают мои знакомые, очень компетентные люди.

– Константин Дмитриевич на что-то такое намекал, – кивнул Шляпников. – Они мне действительно помогут?

– Надеюсь. Но главный совет, который я вам дам: в первую очередь рассчитывайте на самого себя. В ближайшее время вам следует быть поосмотрительней в своих действиях и передвижениях. А может быть, вообще стоит куда-то уехать. Думаю, в «Глории» вам это и предложат. Обязательно прислушайтесь к их советам.

– Бесполезно, – покачал головой Шляпников. – Уезжать – бесполезно. Знаете, где это снято?

Турецкий присмотрелся:

– На каком-то курорте?

– Верно, в Биаррице. Гостиницу, на территории которой находится этот пляж, я арендовал. Понимаете? Моя конфиденциальность ничего не стоит, если можно так выразиться.

– Думаете, кто-то из приближенных к вам людей? – Турецкий спросил невольно и тут же подосадовал на себя: он все больше втягивался в проблему Шляпникова. А стоило бы поскорей умыть руки. Не дело заниматься частными заказами, совсем не дело.

Шляпников словно мысли прочитал:

– Наверно, думаете сейчас: вот если б его шлепнули, тогда б я за это взялся, да, Александр Борисович?

– Позвоните в «Глорию», – недовольно повторил Турец-

кий. – Сейчас мне вам больше нечем помочь.

– Но я могу вам звонить, если что?

– Разумеется, – без особого энтузиазма сказал Турецкий и пожал протянутую руку.

– Мне оставить письмо у вас?

– Оставьте, – вздохнул Турецкий. – Я отдам его специалистам.

Через пару минут он выглянул в окно – любопытно было узнать, как этот деятель передвигается. Ага, собственный вишневый «ягуар» и «мерседес» – машина сопровождения. Неслабо. Хотя бывает и круче... Стоп.

Перед тем как сесть в машину, Шляпников снял пиджак и бросил его в руки телохранителю, взамен получив другой, гораздо более цивильный, это Турецкому было видно даже из окна. Что бы это значило? Может, и ничего, а может, что-то.

Проводив взглядом отъезжающий кортеж, Турецкий вернулся в кабинет к Меркулову. Укоризненно навис над столом.

– Константин Дмитриевич, ну и что это такое?

– Хочу напомнить, что ты – старший помощник генерального прокурора и...

– Вот именно! – перебил Турецкий. – И еще – помощник заместителя генпрокурора Меркулова. То есть кого? То есть тебя! И чем же мне приходится заниматься? Улаживать неприятности зажавшихся олигархов?

– Он не олигарх, – уточнил Меркулов.

– Неважно! Да и что за неприятности?! Призрак замка Мориссвиль! Комедия абсурда!

– Прием граждан такого уровня входит в твои обязанности, – примирительно сказал Меркулов.

– Граждан, Костя, граждан! А ты мне кого подсунул? И у него частная проблема! И проблемы-то еще нет! И дело не заведено!

Меркулов вздохнул и налил себе минеральной воды.

– Ну ты же, наверно, все равно отправил его в «Глорию»?

– А что я должен был делать? Пойти к нему в телохранители? Кстати, как он вообще тут оказался? Может, откроешь тайну золотого ключика?

– Открою. Это личная просьба генерального. Турецкий ожидал чего-то подобного, но все равно почувствовал разочарование.

– Они друзья? Родственники?

– Кажется, на яхте вместе катались. Или что-то в этом роде. В общем, теперь на короткой ноге.

Генеральный только на днях вышел из отпуска, который он проводил как раз на Черном море.

– Понятно, – кисло сказал Турецкий и взял со стола Меркулова визитку Германа Шляпникова. «Фармацевтический концерн „Салюс“. Вот как называется его империя. „Салюс“.

– «Салюс»... Странное название. Почему не «Салют»? Что это вообще такое – Салюс?

Меркулов знал, как водится, все. Или просто подготовился:

– В римской мифологии богиня здоровья, благополучия и процветания. Вполне подходящее название. Но ведь симпатичный мужик, согласись?

Турецкий пожал плечами: во-первых, он этого не заметил, а во-вторых, если оно и так, ну и что с того?

– И в самом деле, почему бы не помочь человеку? – примирительно сказал Меркулов. – Попытайся стать на его место. Представляешь, насколько ему не по себе?

– Как это на *его* место?! Как я могу представить себя – на его месте?!

Некоторое время оба молчали. Потом Меркулов сказал:

– Ладно, забудем. Ты послал его в «Глорию» – и забудь. Вспомнишь, когда генеральный поинтересуется.

– Надо было вообще послать его к черту! – в сердцах бросил Турецкий и пошел к выходу, бормоча на ходу: – Правда, не стоит следовать первому чувству. Оно бывает благородным и, следовательно, глупым...

– Талейран, – прокомментировал всезнающий Меркулов и встал: – Саша, подожди, пожалуйста.

– Ну что еще? – буркнул Турецкий, взявшись за дверную ручку.

– Закрой дверь. Закрой, закрой... Я вот хотел спросить... – Меркулов замолчал.

Турецкий увидел странную картину – Меркулов пребывал

в нерешительности. Точнее, в замешательстве – внешняя иллюзия нерешительности-то как раз была свойственна интеллигентной натуре Константина Дмитриевича.

– Костя, у меня много работы, не томи! – Турецкий крутил между пальцев сигарету.

– Кури, если хочешь, – предложил Меркулов, не переносивший табачного дыма. – Саша, скажи, ничего странного в последнее время не случилось?

Турецкий удивился этому вопросу. Просто совпадение, или Меркулов каким-то образом узнал о вчерашнем нападении. Но каким?! Да нет, быть не может. Говорить же об этом самому Турецкому уже больше не хотелось. Чем больше времени проходило, тем несерьезней казалась история... Не ерунда, конечно, не пустяк. Но ведь случайность.

– Не помню. Нет, кажется.

– Значит совсем ничего?

– Да что такое вообще? С каким делом связано?

– Если б я знал, – вздохнул Меркулов. – Значит, все у тебя как обычно? Ничего экстраординарного не происходит, я правильно понимаю?

– Костя, – прищурился Турецкий, – что ты хочешь мне сказать?

– Хотел бы что-то конкретное, уж сказал бы, поверь, – буркнул шеф.

Если Турецкий и сомневался, то после этих слов окончательно решил ничего ему не рассказывать. Только не Мер-

кулову. Еще охрану приставит, чего доброго. Засмеют. Дали б поездить в бронированном лимузине, усмехнулся он про себя, тогда еще куда ни шло.

– Ладно, шагай, работай, – сказал Константин Дмитриевич. – Нет, подожди. Как дело Белова?

– Как обычно. Допросы, показания... Но там же наука – сам черт ногу сломит.

– Тебе в науку вникать не надо, тебе для начала надо всего лишь понять, застрелился он или нет.

– Понять это, Костя, невозможно, – вздохнул Турецкий, – потому как свидетелей этому грустному событию нет и быть не может. Кроме дырки в башке. И пистолета под рукой. А предсмертное письмо он оставил.

– Дырка не свидетель, – заметил Меркулов. – Пуля – свидетель. В некотором роде.

– Пулю не нашли, – напомнил Турецкий. – Профессор сидел на стуле в профиль к окну. Пуля прошла через висок, пробила стекло и упала где-то в саду.

– Где-то... Почему же ее не нашли?

– Может, пионеры на металлолом унесли. – Этой фразой Турецкий подчеркивал, что он сам не верит, что пуля исчезла случайно.

– Помню я, в каком-то американском фильме пуля была ледяная, – улыбнулся Меркулов, который тоже не верил, что пуля пропала случайно. Никто не мог понять, куда она делась, пока Роберт Редфорд не появился... Психодрама.

Турецкий неожиданно заинтересовался:

– Что это значит?

– Что?

– Ну вот то, что ты сказал. Психодрама. Что это такое?

– Это метод психотерапевтического лечения. Постфрейдистский. Голливудские актеры его используют в своей игре, и Редфорд, я читал, особенно.

Вернувшись в свой кабинет, Турецкий позвонил Грязно-старшему и коротко, не нагоняя страхов, рассказал о вчерашнем нападении в подъезде.

Вячеслав Иванович, однако, обеспокоился не на шутку.

– Саня, я сегодня же к тебе приставлю кого-нибудь. У Дениса людей просить не стоит – это лишать их заработка, тут же недельку надо круглосуточно последить, не меньше...

Турецкий сразу же пожалел, что позвонил.

– Славка, не говори ерунды! Это какой-нибудь качок-тинейджер.

– Ты же сказал, он постарше был.

– Ну говорил. Может, лет двадцать, а может, тридцать. Я так и не понял. Темно было. Наверно, часы хотел снять или еще чего.

– Да? – засомневался Грязнов. – А почему ты мне позвонил, если это такая чепуха? – Приятеля своего он знал как облупленного.

К этому вопросу Турецкий был не готов.

– Ну... так просто, душу отвести. Услышать твое друже-

ское участие. Почувствовать твоё верное плечо.

– Сейчас заплачу.

– Не надо, – посоветовал Турецкий. – Тебя уволят. Министерским начальникам не пристало слезу пускать. Просто, понимаешь, у меня тут на работе такой ералаш творится... И вот ещё что, будешь разговаривать с моей Ириной, не вздумай пугать её, понял?

Грязнов молчал.

– Слава?!

– Ладно, ладно, – раздалось после паузы. – Не психуй. Придумаем что-нибудь.

– Я совершенно спокоен, между прочим, – возразил Турецкий. – И не надо ничего придумывать.

– Вижу, как ты спокоен, – хмыкнул Грязнов.

– Что ты можешь видеть по телефону?

– И то правда, – согласился Грязнов. – Давно ведь не виделись. Давай, может, высвободим времечко в конце недели и выберемся куда-нибудь за город?

Идея была привлекательной. Лето. Озеро. Лес. Шашлыки... Идея была привлекательной, но малореалистичной, Турецкий хорошо знал, что к концу недели они оба так запарятся, что два дня будут спать как убитые.

– А чего тянуть? – возразил Турецкий. – До конца недели ещё дожить надо. Давай сегодня? Я после семи часов вполне могу.

– Но я сегодня никак, – виновато объяснил Грязнов. –

Совещание у министра.

– А ты пошли его куда подальше, – легкомысленно посоветовал Турецкий.

– Совещание, министра или всех вместе?

– Сам реши, кому отдать пальму первенства.

– Знаешь, может, что и придумаю. Я перезвоню.

– Валяй.

Турецкий принялся за текущие дела, точнее, дело – сосредоточил свои усилия на расследовании гибели профессора Белова...

В обеденный перерыв он съездил на Пречистенскую набережную. Там, в Центре судебной экспертизы, он тепло поздоровался с пухленьким, жизнерадостным старичком со шкиперской бородкой по фамилии Студень и отдал ему конверт с угрожающей фотографией, который получил Шляпников, а заодно нож, с которым на него (Турецкого, конечно, а не Шляпникова) напали накануне в подъезде.

Со Студнем они были знакомы сто лет, так что бумажные формальности тут не требовались. Разумеется, Турецкий не ждал никакого ошеломляющего результата. С одной стороны, после серии неприятных разговоров ему захотелось размять ноги, с другой – детали есть детали, без проникновения в их суть никакое расследование (государственное ли, частное ли – все равно) не может двигаться вперед. Конечно, смешно было бы предположить, что на ноже окажутся отпечатки пальцев, допустим, Шамиля Басаева, а конверт лично

запечатывал Усама бен Ладен...

Кстати, вот интересный вопрос: а есть ли вообще где-то отпечатки Усамы? В смысле зафиксированы ли они? Можно, конечно, посмотреть на сайте ЦРУ. На фээсбешном вряд ли найдешь путевую информацию, лениво размышлял Турецкий, выруливая с Пречистенской набережной. А впрочем, зачем лазать в Интернет, когда на свете существует старый добрый Питер Реддвей!

Турецкий позвонил ему, и на душе сразу потеплело, когда в трубке пророкотал знакомый баритон:

– Алекс! Чер-р-товски р-рад тебя слышать, май фрэнд!

– Здорово, Пит! Что поделываешь?

– Гуляю по Москве в надежде встретить старого друга.

– Кроме шуток?!

– А то!

Турецкий обрадовался просто-таки смертельно.

– И давно ты здесь?

– Уже три часа... и семнадцать минут. Кстати, мой багаж все еще в Шереметьеве, боюсь, они его не найдут, даже когда я буду возвращаться в Германию.

Александр Борисович засмеялся, вспомнив обычную педантичность Реддвея.

– Когда увидимся, Пит? Я через четверть часа буду у себя, в Генпрокуратуре.

– Сегодня не обещаю, но завтра – обязательно. В крайнем случае, послезавтра.

– Отлично, жду звонка.

Турецкий, конечно, понимал, что такой человек, как Реддвей, приехал не просто погулять – наверняка в Москву его привели дела.

Подъезжая к Большой Дмитровке, он снова подумал про Шляпникова и его пиджак. Зачем этот маскарад? Если только маскарад. Турецкий позвонил жене:

– Ирка, помнишь, был как-то у нас такой разговор про маски: что редко кто бывает самим собой, ну и тэ дэ. Помнишь?

– Что-то не очень, – отозвалась жена.

– Ну мы еще тогда разругались вдрызг. Ты меня упрекала, что с тобой я один, с дочкой другой, с друзьями... неважно. Неужели не помнишь?

– Не помню. Но если мы потом разругались, наверняка это правда было. А что такое?

– Ты слышала о психодраме?

– Нет.

– А еще психолог.

– Я только учусь.

– Ты диплом защищаешь, – напомнил Турецкий. – Ну так вот. Это школа психотерапевтического лечения. Кажется, постфрейдистская. Говорят, ее тезисами в Голливуде очень лихо актеры пользуются.

– А ты откуда все это знаешь? – удивилась Ирина.

– У меня свои источники. Так любопытно?

– Еще бы!

– Очень хорошо. Тогда узнай мне про нее подробнее.

– Ну ты гад! – оценила степень коварства Ирина, вполне, впрочем, добродушно.

– Я тоже тебя люблю. Ирина помолчала.

– Так сделаешь?

– Ты все-таки выбирай: быть другом-консультантом или женой-домохозяйкой?

– В смысле? – не понял Турецкий.

– Я ужин готовлю. Так что либо одно, либо другое.

– А почему так рано?

– У нас сегодня будут гости.

– Что за гости? – удивился Турецкий.

– Придешь – увидишь. Если придешь, конечно, – сказала многоопытная супруга.

– Я вообще-то не голоден, – заметил Турецкий.

– Эгоист несчастный. Я так и думала. А я? А дочь?

– Ну ладно, – смиростивился Турецкий. – Может, я еще проголодаюсь. Может, рюмочку по дороге приму и проголодаюсь. Как ты считаешь?

– Только не усердствуй.

– Ладно. Мне звонил кто-нибудь?

– Денис Грязнов. Просил спасибо передать. А за что, кстати?

– Сейчас узнаю, хотя догадываюсь. Турецкий позвонил в «Глорию».

– Денис, Шляпников тебе звонил?

– И звонил, и уже приезжал. Спасибо за клиента, Сан Борисыч! Такого «толстого» у нас давно не было.

– Сомневаюсь, что вообще был.

– И то верно, – засмеялся Денис.

– В общем, работаете?

– Круглосуточно. Я пока к нему Севку Голованова прилепил, потом его лично сменю. Демидыч и Щербак осматривают квартиру. А сам сижу общую схему додумываю. Закончу – поеду в Архангельское, дом изучать. Возможно, придется еще людей привлечь. Голованов мне уже успел шепнуть, что охрана у Шляпникова мощная, но кто их знает, что за люди... Будем проверять.

Турецкий услышанным остался доволен: что Голованов, что Демидыч, что Щербак были матерые опера, прошедшие Афганистан и профессионально оформившиеся уже в МУ-Ре. Они не были столь талантливыми сыщиками от природы, как Денис, но уж собственно оперативных качеств им было не занимать. А ведь в записке еще имелся Филя Агеев, непревзойденный автогонщик! Словом, кадры в «Глории» были отменные. Но Турецкий все же напутствовал Дениса сурово:

– Ты только не облажайся. Уж больно перец важный. Схавал, что говорю?

– Обижаешь, дядь Сань! В общем, с меня причитается.

– Знаю я твое «причитается», – проворчал Турецкий. –

Пачка зеленого чая или еще какая-нибудь полезная дрянь.
Адепт здорового образа жизни, на мою печень.

Глава вторая

Дело Белова, которым интересовался Меркулов и которое вел Турецкий, с одной стороны, казалось простым, с другой – было не подарок. Хотя какие уж там подарки попадают в Генпрокуратуру...

Доктор биологических наук возглавлял в подмосковном Лемеже созданную им же Лабораторию экспериментальной биофизики. Был холост, кроме работы ничем не интересовался, но в один прекрасный день взял и покончил с собой. Правда, его коллега доктор Колдин в самоубийстве сомневался. Он был в отъезде, когда погиб его коллега и шеф, и спустя неделю после похорон Белова, получив от него запоздалое письмо, отправился к адвокату. Письмо свидетельствовало о том, что на Белова оказывалось различного рода давление, что ему мешали работать, что от него требовали продать его открытие, что ему угрожали и т. д. Белов просил коллегу продолжить его дело, словно чувствовал приближение гибели. А может, не чувствовал, а знал – это ведь не противоречило обеим версиям, и самоубийству, и убийству.

Адвокат, к которому обратился Колдин, был Юрий Петрович Гордеев, и такой выбор объяснялся просто: они были приятелями с университетских времен и даже жили в одной комнате.

Колдин и Гордеев оформили соглашение на защиту, и

Колдин внес в кассу адвокатской конторы гонорар. Далее Гордеев действовал по алгоритму. Он принял дело со стороны потерпевшего – потерпевшим он посчитал профессора Белова, а его представителем – доктора Колдина. Гордеев составил жалобу в Генеральную прокуратуру и записался на личный прием к заместителю генпрокурора Константину Дмитриевичу Меркулову, с которым был неплохо знаком, поскольку сам некогда работал в этой организации.

Меркулов выслушал жалобщика Колдина и его защитника Гордеева и принял решение – отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возбудить уголовное дело по факту нерасследованной смерти известного ученого Антона Феликсовича Белова. Расследование было поручено первому помощнику генерального прокурора, государственному советнику юстиции третьего класса А. Б. Турецкому.

Суть происшедшего была такова.

Сорокашестилетний доктор биологических наук А. Ф. Белов был обнаружен мертвым в собственной квартире в городе Лемеж. Он сидел за письменным столом, рядом на полу лежал его личный пистолет системы «Макаров». Возле пулевого отверстия на правом виске были следы пороховой гари. Версия о самоубийстве получила подтверждение. Тем более что Белов оставил предсмертную записку. И следователь областной прокуратуры Смагин, и прокурор Григорьев вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Предсмертная записка выглядела так:

«Кто-то из ученых-остроумцев заметил, что человек – это единственная материя, которая догадалась, что она есть. До меня в полной мере это дошло совсем недавно.

Я специально пробыл сегодня весь день один, чтобы все обдумать и твердо, без колебаний, решить, как быть, что делать, как вообще покончить с этим ужасным положением.

Сейчас за окном рождаются огоньки нового дня, люди, просыпаясь, неохотно расстаются с теплым сном. А она сейчас еще спит... Я представляю себе подушку, ее размятавшиеся волосы... Увы. Это не то, что может удержать меня от последнего шага.

Мне не стыдно за то, что я сделал. Но голову туманит невозможная усталость. С каждым новым днем на меня накатывает новая волна слабости, которая зовется отсутствием воли к жизни. Смертельно тоскливо и вместе с тем безгранично покойно, словно я впервые за много лет отдыхаю всем своим существом. Впервые в жизни, не сопротивляясь, я принимаю удар и со странным удовлетворением сознаю, как глубоко он меня ранит. Большие так продолжаться не может. Я принял решение. Я уеду, попросту убегу из дома, из России, из этой жизни. Я хочу, чтобы это было – навсегда.

Человек – единственная материя, которая догадалась, что она есть. Догадалась, потому что не помнит сам факт своего рождения. Но зато рано или поздно узнает факт

смерти. Мое время пришло.

Прощайте все. Не держите на меня зла или проклиняйте – мне это будет уже все равно.

Антон Белов».

Гордеев сидел в кабинете Турецкого. Он привез Александру Борисовичу ксерокс этой записки и некоторые пояснения. Материалы дела все еще лежали в областной прокуратуре, хотя Турецкий уже сделал на них запрос.

– Вообще-то заметь, Саша, очень длинное письмо для самоубийцы, – откомментировал Гордеев, когда Турецкий закончил читать.

– У тебя большой опыт в таком чтении?

– Какой-никакой, а имеется. Я ведь тоже следаком был, помнишь еще? Обычно люди пишут: в моей смерти прошу винить Клаву К. Или: я ухожу добровольно, забудьте меня на фиг. Примерно так, в общем. Но вот таких длинных писем я не встречал.

– Оно не длинное, – машинально возразил Турецкий, читая текст снова и делая пометки.

– Для самоубийцы – длинное, – настаивал Гордеев. – Сам подумай. У него руки ходуном ходят. Ему хочется все скорей закончить. Понимаешь?

Турецкий отложил карандаш и усмехнулся:

– Ты как-то поверхностно рассуждаешь, дорогой патологоанатом человеческих душ. Мало ли какие обстоятельства бывают? Может, он такой человек был – методический. Си-

дел, не торопился, все по полочкам раскладывал. Самурай, в общем... А потом время пришло и – бац.

– Письмо не кажется мне четким и структурированным, – не сдавался Гордеев. – Намеки, слова, ничего не сказано впрямую. И не был он самурай, мне Колдин в двух словах рассказывал...

Турецкий подумал, что уж Гордеев-то точно чересчур эмоционален. Хотя что ему? В суде пока что выступать не требуется.

– Пока что меня другие вещи интересуют. – Турецкий ткнул карандашом. – Во-первых, о каком ужасном положении он пишет? И о чем таком ему не стыдно? Это Колдин тебе сказал?

– Если и сказал, то я не понял. Для этого в Генпрокуратуру и пришел. Я же в их науке ни хрена не понимаю, – сказал Гордеев. – И вообще не знаю, что там творилось, в этой лаборатории. Они ее, кстати, с большой буквы все величают – Лаборатория, понял? Но Белова вроде бы обвиняли в какой-то «алхимии». А он не соглашался, говорил, что изобрел нечто невероятное. Примерно так, по-моему. – Юрий Петрович счел нужным уточнить: – Имей в виду, Саша, это – со слов Колдина. Я с Беловым водку не пил и вообще знаком не был.

– А кто его обвинял в «алхимии»?

– Вроде академики какие-то. Съезди в эту Лабораторию, поговори с Колдиным, остальными. Наверняка они все объ-

яснят.

– Академики, – присвистнул Турецкий. – Нормальненько...

Гордеев презрительно махнул рукой:

– Да ладно, ты разве не знаешь, как у нас академиками становятся? Это ничего не значит.

– Вот именно, что не знаю. Но наравне с академиками тут еще кое-кто указан. – Турецкий прочитал вслух: – «...она сейчас еще спит... Я представляю себе подушку, ее разметавшиеся волосы. Увы. Это не то, что может удержать меня от последнего шага». Что это значит? Очевидно, что речь идет о женщине, к которой он равнодушен или был равнодушен, поскольку от суицида (будем пока что считать так) ее существование его не остановило. Белов был холост. Но о ком он писал? Несчастливая любовь?

– Ты у меня спрашиваешь?

– А Колдин знает? Ни за что не поверю, что ты у него не интересовался.

– Спрашивал. Говорит, не знает. Но заметь, Саша, написано это так, чтобы привлечь внимание. Будто запись в дневнике, который, кроме владельца, никто не увидит.

Но Турецкий и тут не был однозначно согласен.

– Или написано человеком, которому это все равно. Написал – как выдохнул. Что было в голове, то и писал. Поток сознания.

– Ну хорошо, а пуля?!

– Пули нет, – признал Турецкий.

– Я не о том! Учитывая силу сопротивления – она дважды пробила череп, – как-то странно, что она долетела до окна, разбила стекло и... исчезла! На виске пороховая пыль. На полу лежал его пистолет, «макаров». На нем его отпечатки пальцев. Вроде все верно. Только непохоже, чтобы эта мистическая пуля была из «макарова». Может, оружие помощнее?

Турецкий помолчал, оценивая сказанное. В словах Гордеева была логика. На то он, впрочем, и адвокат.

– Баллистическая экспертиза проводилась? – спросил Турецкий.

– Кажется, да. Хотя без пули... я не знаю, что это за экспертиза может быть. Наверно, так, – с сарказмом предположил адвокат: – Из пистолета стреляли в такой-то отрезок времени? Стреляли. В общем, читай дело, Саша, разбирайся со следователем.

– Разберусь, – пообещал Турецкий без особого оптимизма. – А пока я тебе так скажу. По первому впечатлению. А оно, как ты знаешь, часто оказывается верным. Если судить по записке, то все ясно как день, – сказал Турецкий. – Человек не выдержал предстоящего позора.

– И покончил с собой?

– И покончил с собой. – Турецкий внимательно смотрел на Гордеева. – Ты хочешь что-то добавить?

Гордеев проскрипел:

– И мазохисты признаются во всем под пыткой. Из благодарности.

– Думаешь, его пытали? – удивился Турецкий. – Никаких следов, насколько я понял, не обнаружено, верно? Или ты мне хочешь что-то сказать?

– Ничего я не хочу сказать, – разозлился Гордеев. – Хотел бы – назвал вещи своими именами.

– Знаешь что, Юрка? – повысил голос и Турецкий. – Узнаешь имена вещей – не забудь проинформировать!

Гордеев хлопнул дверью.

Турецкий покачал головой, встал из-за стола. Вышел в коридор.

– Юра, вернись, пожалуйста.

Гордеев остановился. Неохотно сделал несколько шагов Турецкому навстречу.

– Ну что еще.

– Последний вопрос. Не дуйся, нет причин. Этот твой Колдин... Что он из себя представляет? С ним вообще можно иметь дело?

– Правду?

– Конечно.

– Я его толком и не помню. Мы жили вместе в общежитии – не то два, не то три месяца. Помню только, что травку он покуривал, ну так с кем по молодости не случалось, его даже как-то повязали на этом, но обошлось – учился он блестяще. Вот и все. А потом у меня начался роман, и я переехал к

своей девушке. А когда вернулся в общагу, Колдина в моей комнате уже не было. Я его знаю не больше... – Гордеев искал сравнения и не нашел. – Толком, я его не знаю.

– Но, по крайней мере, это тот самый Колдин, ты его вспомнил? Похитители тел из космоса тут ни при чем?

– Это тот самый Колдин. Биолог и кандидат наук.

– Уже легче, – вздохнул Турецкий.

Адвокат уехал, а Турецкий приступил к расследованию. Действительно, прежде всего нужно было понять: по собственной воле погиб ученый, его принудили или вообще убили?

Жаль все-таки, что пуля у Белова в голове не застряла – насколько сейчас все было бы проще, думал Турецкий, листая материалы, которые ему привез Гордеев, – записи разговора с Колдиным. Жаль что ее почему-то не нашли. (Вот почему, интересно? Это самый главный аргумент против самоубийства пока что.) Можно было бы просто идентифицировать ее – из пистолета Белова пуля была выпущена или нет. Да, жаль, что она не застряла в голове...

Турецкий еще раз повторил про себя последнюю фразу и ужаснулся. Господи, что я несу?! «Жаль, что пуля не застряла в голове...» Надо ж такое сказать. Вот же ж циничная работа... А с другой стороны, покойнику все равно, застряла пуля или нет. Как говаривал старина Билли Бонс из любимой детской книжки его дочери, мертвые не кусаются.

...Бросив портфель в прихожей, Турецкий услышал доно-

сящийся с кухни разговор и, не разуваясь, заглянул туда.

Ирина колдовала у плиты, а на табуретке с ножом в руке сидел Слава Грязнов. Генерал-майор МВД и замначальника Департамента по борьбе с коррупцией чистил картошку. Вот, значит, что за гости планировались... Ну да, и Слава же неопределенно так по телефону говорил: вряд ли, не получится... Здорово они его развели, молодцы. Градус настроения у Турецкого пополз вверх. Хорошо, что на свете не перевелись жены и друзья.

– Трудно поверить, что ты старый холостяк, – говорила Ирина, подмигивая Турецкому, которого Грязнов еще не видел.

– Зря хвалишь. Потерял квалификацию, – вздыхал Грязнов. – Иногда думаю, скорей бы уже на пенсию, брошу все к чертовой бабушке, обложусь кулинарными книгами и буду готовить – пальчики оближете.

Ирина засмеялась.

– Ты чего? – обиделся Грязнов.

– Я такое уже недавно слышала, – объяснила она, – про блистательную кулинарную карьеру, которая светит одному работнику правоохранительных органов.

Грязнов, матерый волк, тут же оглянулся – Турецкий стоял за спиной и корчил жене рожи.

За столом, едва Грязнов наполнил рюмки, Ирина сказала:

– Саша, я узнала про психодраму, как ты просил.

– Ну-ка, ну-ка! – Турецкий опустил рюмку, несмотря на

укоризненный грязновский взгляд.

– В нескольких словах так. Изобретатель этой идеи, доктор Морено, пришел к выводу, что роль и амплуа – неотрывная естественная часть любого человека, и все психические заболевания происходят по двум причинам: человек не может играть роль до конца или у него неорганичное амплуа. То есть, иначе говоря, роль «невыученная» или «неправильная».

– О чем это вы? – изумился Грязнов.

– Не обращай внимания, Славка, – сказал Турецкий, думая о своем. – Семейный фольклор.

– Вот, – прищурилась Ирина. – У тебя роль «невыученная». – И после паузы добавила: – А у Славы – «неправильная».

– Я, между прочим, картошку почистил, – возмутился Грязнов. – И вообще зря ты так, Ирка. Ты... – тут Грязнов слегка запнулся, – ты береги его.

Ирина удивленно посмотрела сначала на Грязно-ва, потом – на Турецкого. А Турецкий за спиной у жены показал приятелю кулак.

– А что мы, кстати, едим? – спросил будущий кулинар Грязнов. – Ты готовила, готовила, а я так ничего и не понял.

Выпив пару рюмок коньяка, приятели вышли покурить на балкон.

– Насчет охраны не передумал? – спросил Вячеслав Иванович, зная ответ наперед.

Турецкий покачал головой. Он думал о Шляпникове. Как там Ирина сказала?

Психическое заболевание происходит по двум причинам: человек не может играть роль до конца или у него неорганичное амплуа. Роль «невыученная» или «неправильная». Неправильная или невыученная?

Шляпников явно выпендривался со своей «Явой» и демократичным пиджаком. Хотел произвести впечатление? Или? И так некачественно прокололся – у машины. Допустим, у него «роль» выученная, но неправильная... Да, но кто сказал, что у Шляпникова психическое заболевание? Впрочем, вероятность велика по двум причинам: а) у него мания преследования, что вполне возможно; б) совершенно здоровых людей на свете не существует – в психическом плане особенно, у каждого в башке найдется персональный таракан. Так или иначе, миллионер психует, старается это не показать и еще – выглядеть своим парнем. Ну что ж, заслуживает сочувствия. Если забыть, что миллионер.

Турецкий покосился в сторону Грязнова. Тот всегда и всюду чувствовал себя на своем месте и сейчас являл из себя картину абсолютного спокойствия и умиротворенности.

Турецкий подумал о его племяннике. Передать, что ли, Денису эту историю с пиджаками? Да не стоит, наверно.

– Как там твои коррупционеры поживают, Слава? Грязнов выпустил колечко сизого дыма.

– Ловлю потихоньку... Да бог с ними, и президент им су-

дья. Ты вот, Саня, лучше скажи, ты попару ел? – Грязнов прицельно стряхнул пепел на нижний балкон.

– Звучит как-то не очень, – механически ответил Турецкий. – Попара... А что это?

– О, – закатил глаза Грязнов. – Именины сердца. Точнее, головы, печени и желудка. С похмелья – гениальная вещь. Ингредиенты: черствый хлеб, масло и сыр. Тертый. Заливаем кипятком и даем постоять на медленном огне пять минут. Потом разливаем в тарелки и лопаем. Возврат к жизни гарантирован. Ни тебе боли в затылке, ни томления духа. Понял? С похмелья.

– С похмелья... Похмелье надо еще заработать.

– Эй, повара, возвращайтесь к десерту, – позвала Ирина.

– Ладно, пойдем еще выпьем, – сказал Турецкий. – А там, кто знает, может, и попару готовить начнем...

На следующий день, готовясь к делу о гибели Белова, Турецкий уже составил объемистый список вопросов, которые требовали немедленного ответа, а само дело из областной прокуратуры все еще не прислали. В принципе обычная история, но Турецкий злился. Тогда Александр Борисович решил сэкономить время и поговорить со следователем, который вел дело о гибели профессора Белова, перед тем как его закрыли, – Смагиным.

Следователь областной прокуратуры Смагин с Турецким лично знаком не был, но был о нем наслышан – сразу так и сказал. И в течение всего разговора смотрел на Турецкого

так, что временами тот ждал, что Смагин вот-вот попросит автограф.

Турецкий решил не давить человеку на мозги и не вызывать его в Генпрокуратуру. Встретились на нейтральной территории, возле Патриарших прудов. На Патриках, как сказал Смагин. Турецкий вспомнил, что так же это места называет его дочь Нинка, и заранее проникся к Смагину симпатией.

– Олег Николаевич, – сказал он Смагину, – вы не волнуйтесь, вопрос о вашей компетентности у меня не стоит в принципе. Дело же совсем не в этом. Но не исключено, вы можете мне помочь, а это было бы кстати.

– Сочту за честь! – ответил Олег Николаевич Смагин, совсем молодой парень, лет двадцати пяти, едва ли больше.

Они гуляли на Патриках, Турецкий с удовольствием забрасывал в рот картошку фри, а Смагин (от угощения отказался) подробно рассказывал ему то, что уже и так большей частью было известно. Турецкий доел и тогда стал задавать предметные вопросы. Смагин отвечал, почти не задумываясь.

– Кто и при каких обстоятельствах нашел Белова?

– Труп обнаружил его сосед Колыванов. Он перелез со своего балкона на балкон Белова.

– Почему он это сделал?

– По просьбе сослуживца Белова, профессора Майзеля.

Турецкий на каждый ответ реагировал серией новых вопросов. Со стороны это напоминало не то партию в пинг-

понг, не то разговор дотошного экзаменатора и студента-все-знайки. С той маленькой коррек-тивной, что в данном случае «дотошный экзаменатор» сам еще ничего не знал. Правда, Смагин не был в курсе того, что дело в Генпрокуратуру так и не доставили, и потому разговор вполне мог воспринимать как начальственную выволочку.

– Почему Майзель попросил Колыванова? Откуда он его знает? Когда это произошло? И как. Подробно, пожалуйста.

– Дело было так. Тело нашли в шестнадцать пятьдесят. Майзель звонил Белову с утра. У Белова было все время занято. Как потом оказалось, трубка плохо лежала на телефоне.

– Отпечатки пальцев на трубке искали? – быстро спросил Турецкий, и этот вопрос застал молодого следователя врасплох.

– Нет, – помрачнел Смагин. – А надо было? Турецкий улыбнулся:

– Золотое правило юриста: никогда, друг мой, не признавайтесь в своих ошибках, если только вас к тому не вынуждают.

Смагин выпучил глаза и едва не открыл рот.

– Да шутка, шутка, – похлопал его по плечу Турецкий. – Хотя и не совсем. Говорите дальше. Итак, что сделал Майзель, когда не смог дозвониться до Белова? Приехал к нему домой и стал звонить в дверь?

– Да. Только он не приехал, а пришел. От Лаборатории до

дома Белова двадцать минут хода. Майзель пришел в четыре часа дня. Несколько минут трезвонил в дверь. Стучал. Бесполезно, как вы понимаете. Тогда Майзель снова сделал телефонный звонок – с мобильного. И опять было занято. Тогда Майзель позвонил соседу Белова – Колыванову. Колыванов Май-зеля знал и пустил его. Майзель сам порывался лезть через балкон, но Колыванов ему не дал.

– Почему? – не понял Турецкий.

– Майзель – пожилой человек.

– Ясно. А Колыванов?

– Ему сорок пять лет.

– Дальше?

– Колыванов перелез через балкон и...

– Подождите. На каком этаже жил Белов? Смагин на несколько секунд задумался.

– На третьем или на четвертом... На третьем. Да, точно. Я помню два лестничных пролета после входа в подъезд.

Внимательный фрукт, подумал Турецкий и неожиданно спросил:

– А откуда у Белова был пистолет?

– То есть как? У него разрешение имелось, все законно. Я его к делу приобщил. Пистолет системы «Макаров», номер...

Кажется, Смагин помнил буквально все. Турецкий остановил его движением руки:

– Это я понимаю. Я спрашиваю, нашли ли вы при обыске

какие-то бумаги или документы, объясняющие происхождение этого оружия в принципе? Оно может быть наградное, например... Подождите, а обыск в квартире Белова кто проводил?

– Я и проводил, – подтвердил догадку Турецкого Смагин. – Но ничего такого не нашел.

– Компьютер дома был? Дискеты, диски?

– Ничего такого. Майзель сказал, что он всегда работал в Лаборатории, да и спал там часто.

– В Лаборатории обыск делали?

– А на каком основании?

– У него же был там свой кабинет!

– В том-то и дело, что нет! Это большой ангар с перегородками. Там компьютеры и всякое оборудование. Никаких кабинетов.

– Известно, где Белов обычно держал пистолет?

– В ящике стола есть коробка. Там лежали патроны и были следы оружейной смазки, совпавшей с той, что на «макарове» Белова.

– Ладно, вернемся на балкон. Колыванов перелез – и что? Увидел Белова, сидящего за столом с двумя дырками в голове?

– Нет. У Белова выход на балкон был из второй комнаты, из спальни. Но тут вышла заминка: дверь из спальни в коридор оказалась закрыта.

– Интересно. – Турецкий вытащил сигареты и предложил

Смагину.

– Спасибо, нет. Я бегаю, мне нельзя.

– Почему? – удивился Турецкий.

– Хороших результатов не достичь.

– Серьезно спортом занимаетесь?

– Надеюсь, что это так, – неловко улыбнулся Смагин. –

Бегаю на длинные дистанции.

– А какие?

– Пять и десять километров.

– И марафон?

– Пока нет. Может, когда-нибудь.

– Каковы же ваши достижения, гражданин следовательно?

– На первенстве России в финал выходил пару раз, но сильнейших тогда не было.

– Что же, буду за вас болеть. Позовите как-нибудь на соревнования.

– Вы серьезно?

– А почему нет? Я болельщик с большим стажем. Вот только на моей памяти наши стайеры, увы, не блистали. Так что для меня это стимул.

Все же Турецкий был немного удивлен. Конечно, среди его знакомых ментов, следователей и прочих юристов встречалось немало спортсменов приличной квалификации. Но, как правило, эти люди были со-ориентированы на вид спорта, построенный на единоборстве. Восточный всякий мордобой, бокс наконец. Вон тот же Юрка Гордеев – знатный бок-

сер. Ну и конечно, стрелков всегда было много. А тут такое мирное занятие...

— А давно вы бегаєте?

— С детства. — Смагин помолчал немного, улыбнулся застенчиво. — Помню, мне казалось несправедливым, что, бывает, кто-то в середине дистанции быстро бежит, всех обгоняет, а на финише его обходят, и у него время оказывается хуже. Я все никак поверить не мог. Ну и что, думал, что его обошли, ведь и он обходил, только раньше. Почему время хуже-то? Математика эта до меня не доходила.

— Это вы к чему? — удивился Турецкий.

— Я вот думаю иногда, как у нас людей судят. Как в спорте. По последней черте. Разве ж это правильно? Нет, убийство там, особо тяжкие — это все понятно. А когда ерунда какая-нибудь целую жизнь достойную перевешивает, это разве верно? Человек остается с клеймом...

Турецкий засмеялся:

— И с такими идеями вы следователем работаете?! Как говорил товарищ Черчилль, другой демократии у нашего государства для вас нет.

— Он не так говорил.

— Да знаю я. Ладно, это лирика, которую я с вами с удовольствием обсужу как-нибудь за бутылкой, когда все мерзавцы... Ах да, вы ж, наверно, и не пьете, ко всему прочему! Не пьете ведь, Смагин?

— Не пью.

– И молодец. Продолжайте. Теперь говорите, что сделал Колыванов, когда уперся в спальне в закрытую дверь? Вызвал слесаря?

Смагин, улыбаясь, замотал головой:

– Никого он не вызвал! Он сам слесарь. Сперва он стучал и звал Белова – безрезультатно, сами понимаете. Тогда он вышел на балкон и попросил Майзеля, который оставался в его квартире, передать ему инструменты. Через несколько минут он вскрыл замок, вышел из спальни и вошел в кабинет. Дальше вы знаете, наверно.

– Я пока ничего не знаю, – проскрипел Турецкий. – Рассказывайте, Олег Николаевич, рассказывайте.

– Колыванов вызвал милицию. Приехал наряд. «Скорая». Засвидетельствовали смерть. Вызвали понятых. Составили протокол. Тело отвезли в морг. Все.

– А кто распоряжался этими процедурами?

– Через два часа я приехал. Они же в Москву позвонили. К Майзелю добавился профессор Колдин, тоже их сотрудник. Ну этот сразу стал кричать, что это дело государственной важности, и все такое... Но, честно говоря, мне там уже делать особо нечего было – за это время местный опер, старший лейтенант Ананко, все успел. Я, правда, распорядился обыск в квартире провести. А потом стал снимать показания по горячим следам... Александр Борисович, вам, может быть, нужны координаты Ананко?

Турецкий кивнул.

Смагин вытащил из записной книжки заранее приготовленный клочок бумаги с телефонами Ананко, Ко-лыванова, доктора из «скорой» и понятых.

Ай да молодец, подумал Турецкий. На ходу подметки рвет. Что бы еще такое спросить, раз уж пошла такая пьянка...

– Олег Николаевич, а как вы можете объяснить тот факт, что пулю не нашли?

Смагин удивился:

– Александр Борисович, это же ясно как день. Теперь уже удивился Турецкий: они с Гордеевым,

два матерых юриста, даже успели поругаться из-за этой невидимой пули, а этому молокососу все, видите ли, ясно!

Глядя на удивленную физиономию Турецкого, Смагин заулыбался.

– Там же мусорные контейнеры рядом. Ну и... – Он развел руками.

– Что, прямо под окном? Смагин, так не бывает. – Турецкий тут же пожалел, что это сказал. Во-первых, в нашей удивительной стране бывает все, а во-вторых, Смагин-то, в отличие от Турецкого и Гордеева, был на месте преступления. – Извините, Олег Николаевич, рассказывайте.

– Вы как раз правы, так не бывает. Контейнеры под окном стоять не могут. Санитарные нормы же... Но накануне во дворе стали делать детскую площадку. Расчистили место, песок завезли, всякую арматуру, турники там, качели уста-

навливать начали. И вот рабочие мусорные баки отодвинул и к стене дома – они, эти баки, уже не вписывались. Вечером жильцы пришли с работы, дети из школы, из детского сада, и скандал начался. Но рабочие уже ушли.

– И жильцы сами баки отодвигать не стали?

– Видимо, нет. Это мне понятые между делом рассказывали, когда я показания снимал. В общем, на следующий день баки все еще стояли в пяти метрах от стены дома, не дальше. Так что пуля...

– Что, попала прямо в бак? – спросил Турецкий невинным голосом.

– Необязательно. Могла рядом упасть. Но за время, которое прошло с момента смерти, приезжал мусорный эвакуатор и пересыпал содержимое баков. А после него дворник убирал.

– И вы, конечно, пулю искать не стали?

– Как же ее искать? – удивился Смагин.

– На мусорной свалке, дорогой мой, – сварливо сказал Турецкий. – Узнать, куда отвозили мусор, и искать, искать...

Смагин расстроился. Выдавил еле слышно:

– Это моя оплошность?

– К сожалению, ваша. Ладно. И не такое бывало. Однажды на моих глазах доктор у самоубийцы смерть констатировал. А тот открыл глаза и попросил опохмелиться.

– Вот это да! – расхохотался Смагин.

– Ничего, служба у вас впереди длинная, еще насмотри-

тесь, – пообещал Турецкий и добавил про себя: к сожалению...

Смагин между тем тряхнул головой и сказал довольно решительно:

– Александр Борисович, очень жаль, что я этого не сделал. Но ведь самоубийство же. Пистолет рядом валяется. Отпечатки пальцев на нем – Белова. Плюс – предсмертная записка.

– Чуть не забыл! – спохватился Турецкий. – А как насчет этой записки? Вы в ней поковырялись?

Оказалось, почерковедческую экспертизу Смагин не проводил, потому что предъявил предсмертную записку Белова трем его сотрудникам (Майзелю, Колдину и какому-то Ляпину), и все опознали почерк шефа.

– Значит, вы уверены, что это самоубийство?

– Конечно. Я прокурору Григорьеву так и написал. Он изучил материалы и согласился. Дело закрыл. – И добавил с легкой тревогой: – По-моему, он опытный специалист...

То, что Смагин нервничал, было немудрено. Он, молодой следователь областной прокуратуры, то есть, в сущности, московской, собрал весь материал и предположительно классифицировал происшествие как самоубийство. Прокурор такое мнение подтвердил и дело закрыл. Точка. Но Колдин и Гордеев настаивают, что совсем даже не точка.

Турецкому сейчас нужно было, чтобы Смагин не мандражировал, а четко отвечал на его вопросы.

– Опытный так опытный. Ладно. Вы сказали: за время, которое прошло с момента смерти. А что определил врач, сколько времени прошло с момента смерти?

– Пять-шесть часов. Так врач сказал.

– То есть время смерти Белова... – Турецкий вопросительно смотрел на младшего коллегу.

– Между одиннадцатью и двенадцатью часами.

– Хорошо. Хотя что же тут хорошего... Да, а как насчет самого выстрела? Никаких, даже косвенных, свидетельств нет?

– Выстрела никто из соседей не слышал, возможно, потому, что был день и все были на работе, – уточнил Смагин, упреждая следующий вопрос о возможных свидетелях. – А те, кто оставался, – пенсионеры, и они...

– Старые и глухие, – закончил за него Турецкий.

– Вроде того. А Колыванов хоть и не глухой, но спал. У него ночная работа была.

Неплохой паренек, подумал Турецкий. Шустрый. Надо его запомнить. А впрочем, зачем запоминать, когда можно...

– Слушайте, Смагин, вы чем сейчас занимаетесь? На службе я имею в виду.

– Я... у меня есть дело о поджоге на чердаке... и еще там по мелочи... – Смагин покраснел как красна девица. Что-то почувствовал. Интуиция – это хорошо, пригодится.

– По мелочи, значит. И как, интересно?

– По-всякому. Работа же.

– Это точно, – кивнул Турецкий, вполне удовлетворенный

философским ответом. – А вас не задевает неприязненное отношение обывателей?

– Когда это? – удивился Смагин.

– Или вы его просто не замечаете? Я имею в виду то, как в обществе относятся к правоохранительным органам. Вы же понимаете, что неоднозначно. Или однозначно плохо. А уж в кругу ваших сверстников – так небось и подавно. Смеются, наверно, над вами, иронизируют, а? Как вы это переносите?

Турецкий намеренно не смягчал выражений: он хотел видеть реакцию Смагина. Реакция оказалось очень простой.

– Я на это внимания не обращаю, Александр Борисович, это пустая трата времени. Я служу своему делу, как умею, как меня научили, и... горжусь своей работой. Я думаю, что я – на своем месте.

Турецкий даже подивился: такие слова не из телевизора или газетных передовиц, а вживую, от нормального человека, услышишь нечасто.

А Смагин продолжал:

– Если кто-то считает, что нашей работы нужно стесняться, так это только потому, что мало о ней знает. А ведь в прокуратуру попасть работать не так-то просто. Уж вы-то понимаете! Во-первых, такое образование нужно еще суметь получить, а во-вторых, нужно постоянно доказывать свою пригодность. Рутины, конечно, много, но ведь должен же кто-то отделять зерна от плевел.

Теперь Турецкий был не только удивлен, но даже немно-

го растроган, словно увидел в этом мальчике себя самого двадцатилетней давности. Тоже ведь собирался горы сдвинуть... Ну а что, может, даже и вышло немного. По крайней мере, стыдиться точно нечего, господин государственный советник юстиции третьего класса.

– А что вы скажете, Смагин, если я попрошу ваше начальство откомандировать вас ко мне, пока я этим делом занимаюсь?

– Самоубийством Белова? – спросил Смагин чуть дрогнувшим голосом.

– Или убийством, кто знает. В этом и есть суть проблемы.

– Александр Борисович, вы не шутите – насчет «откомандировать»?

– У меня на это времени нет, коллега.

Смагин был в полном восторге и смотрел на Турецкого влюбленными глазами.

Вероятно, подумал Турецкий, парень поглощен не столько работой, сколько смутным предчувствием раскрывающейся жизни. Наверно, ему уже рисуется новая жизнь, полная удивительных приключений и государственных тайн.

У Турецкого зазвонил мобильный. Если жена, то жизнь удалась, загадал Александр Борисович, а если Меркулов... то тоже удалась.

– Алло?

– Саша, ты нужен на работе. – Это был Меркулов.

– Скоро приеду. Надеюсь, там у тебе не новый Шляпников

меня дожидается?

– Генеральный дожидается.

– Ого!

Турецкий попрощался со Смагиным и пошел к своей машине. Потом остановился и крикнул:

– Слушайте, Олег, а это ведь довольно одинокое занятие – бег на длинные дистанции, а?

Смагин немного подумал, прежде чем ответить, но сказал твердо:

– Ничего, мне нравится.

Пять минут спустя Смагин ел мороженое (ягодное, в пластиковом стаканчике, 13 рублей), вышагивал по тротуару и счастливо улыбался, подставив лицо нежестокому еще утреннему московскому солнцу. Рядом кто-то пару раз нажал на автомобильный клаксон. Смагин посмотрел налево и увидел медленнодвигающуюся «Волгу» Турецкого.

Не останавливаясь, Турецкий спросил в открытое окно:

– Забыл спросить. Нашли что-нибудь любопытное при обыске? Что-нибудь стоящее?

– Да нет как будто. Документы всякие научные... но это же в порядке вещей... Да и Майзель никакого интереса к ним не проявил – я ему показывал... Ну дневники Белова потом, – стал перечислять Смагин.

– Стоп! Шутишь?! – Турецкий перешел на «ты» и сам этого не заметил, а Смагин вообще воспринял как должное.

– Почему? В деле же все есть.

– Да я еще твоего дела в глаза не видел! Смагин оторопел:

– Как же так, Александр Борисович...

– Залезай в машину! – Турецкий остановился. Подождал, пока Смагин заберется в кабину. – Подвезу тебя на работу... Да вот так, как видишь, работаем. Пока что ты – мое дело. А ты уже решил, я тут тебе экзамен устроил?

– Ну, честно говоря... – смутился Звягин.

– Был у него дома сейф или какое-нибудь подобное место, которое хорошо запиралось?

– У Белова?

– Да!

Смагин почувствовал, что Турецкий отчего-то нервничает, и стал отвечать предельно быстро.

– Сейфа не было, а вот ящики стола, где у него всякие чертежи и формулы лежали, в принципе запирались. Но так они все открытые были.

– А сколько их всего? Смагин ответил без запинки:

– Три. Двухтумбовый стол.

– Закрываются на разные ключи?

– Нет, все на один, я проверял.

Интересно, подумал Турецкий. От стола, где рабочие документы, ключ есть, и ящики даже не закрыты. Зато от спальни ключа нет, и она закрыта, хотя в кабинете Белов спать никак не мог. О чем это говорит? Нет, не так. Надо задать вопрос: на что это намекает? Если допустить (принять?) версию об убийстве, то некто закрыл спальню и за-

брал (спрятал?) ключ, чтобы Белов не смог воспользоваться выходом на балкон, на который можно было попасть только через спальню, значит...

– С балкона на балкон там легко перелезть?

– Нетрудно, – кивнул Смагин.

...значит, убийца (если он все-таки был!) собирался гарантированно побеседовать с Беловым (чтобы тот не удрал) либо просто подстраховался.

– Вскрытие проводилось? – задал Турецкий последний формальный вопрос. Все равно результаты вскрытия будут на первом же документе в деле после постановления прокурора.

– А зачем? – удивился Смагин. – Смерть наступила... В результате сами знаете чего.

– Выстрела в голову?

– Вот именно.

– А наличие в организме отравляющих веществ? Наркотических? Психотропных препаратов? – раздраженно сказал Турецкий. – Ты спрашиваешь как преступник. «Зачем?» Затем, что жмурика надо исследовать со всех сторон на предмет насильственной смерти, что бы там кому ни казалось. Как бы нам теперь вообще эксгумация не потребовалась...

Глава третья

Генеральный прокурор Владимир Михайлович Кудрявцев встретил Турецкого радушно, словно утром не виделись.

– Александр Борисович, у меня к вам деликатный вопрос.

– Догадываюсь. О Шляпникове.

– От вас ничего не скроешь. Как его проблема?

– Владимир Михайлович, мы не можем всерьез ею заниматься. Вы же не распорядитесь завести дело, верно? Это слишком частная ситуация. В общем, я порекомендовал господину Шляпникову хорошее детективное агентство. Ему там помогут.

– Хорошо, Александр Борисович, в этом я на вас полагаюсь. – Генеральный чуть ослабил узел галстука и расстегнул пуговицу рубашки. – Жарко сегодня... Хотите чего-нибудь освежающего? У меня есть боржоми.

– Спасибо, нет.

Генеральный выпил минеральной.

– Напрасно вы, хороша водичка...

Турецкий кивнул. В голове почему-то вертелась дурацкая фраза: не пей, Иванушка, козленочком станешь.

– Шляпников приятный человек, верно? Турецкий пожал плечами, что можно было истолковать как угодно.

Генеральный распустил узел галстука.

– А вы не любите галстуки, верно?

Что он заладил: верно, верно, подумал Турецкий, ничуть, впрочем, не раздражаясь. На то он и большой босс, чтобы иметь свои маленькие заскоки.

– Вы как британский премьер-министр, верно?

– Почему? – удивился Турецкий.

– Ему тоже разонравились галстуки, несмотря на то, что многие века этот аксессуар является символом элегантности и, главное, знаком соблюдения служебного этикета. И даже, мне говорили, секретарь кабинета министров дал понять, что вскоре государственные служащие смогут перестать носить галстуки на работе.

Что он несет, подумал Турецкий. К чему все это? Скорей всего, ни к чему, как обычно.

Генеральный снял галстук окончательно и швырнул его на стул.

– Мне бы не хотелось, Александр Борисович, чтобы у вас сложилось обо мне превратное мнение.

Турецкий снова пожал плечами: дескать, как можно?!

– Поэтому я все-таки сам объясню вам эту ситуацию. Я познакомился со Шляпниковым во время отдыха. Мы встретились в Сочи в ресторане гостиницы «Дагомыс». Визуально прежде знакомы были, но не более того. И как-то быстро, по-свойски, сошлись. Оказалось, мы оба яхтсмены. Но если я в этот раз отдыхал традиционным, пассивным, так сказать, образом, в гостинице и с супругой, то Шляпников как раз соби-
рался пройтись на яхте. И уговорил нас составить ему компа-

нию. Он тоже был с женой. Яхта у него потрясающая. Ну он очень богатый человек, может себе позволить. В общем, отдохнули мы превосходно – дней пять или шесть вместе провели, потом у меня отпуск кончился. И мы с женой улетели в Москву. Шляпников тоже собирался через несколько дней. То есть не просто собирался, а и прилетел – через два дня после меня...

Турецкий кивнул, что можно было расценить двояко: он знает или он понимает. И то, и другое – проявление лояльности к боссу. Пардон, к Большому Боссу. Турецкий вспомнил, как Шляпников, чему-то непонятно улыбаясь, говорил, что может предоставить свидетелей своего недавнего отдыха. Вот о каком свидетеле он говорил.

Генеральный, однако же, замолчал. Пауза была так длинна, что это стало выглядеть даже неприлично. Но Турецкого, опытного (среди прочих ипостасей) кабинетного работника, она не тяготила. Напротив, он был заинтригован. По его мнению, вся преамбула с минеральной водой, с галстуком, с банальным описанием курортной жизни была прямая дорога в никуда. Что, собственно, генеральный хочет ему сказать? На часы Турецкий не смотрел, внутренний хронометр и так работал безукоризненно – Турецкий знал, что Кудрявцев молчит уже больше трех минут.

Ну и ладно. Состояние Александра Борисовича сейчас можно было назвать приятно расслабленным. Как сказал Черчилль, если тебе приходится идти через ад, иди до конца.

Наконец генеральный заговорил, и то, что он сказал, было сколь предсказуемым, столько же и невозможным.

– Александр Борисович, – сказал он, – не буду ходить вокруг да около...

Однако, подумал Турецкий.

– ...Шляпников и я... Я обязан ему жизнью. Дело в том, что он спас мою жену. В тот последний день, когда мы были на его яхте. Она тонула. И Герман ее вытащил. А я в это время тупо спал, представляете? Перебрал накануне и отсыпался. Лиля рано утром вышла подышать. Соскользнула, да еще головой о борт ударилась. Потеряла сознание, захлебнулась и стала тонуть. Сразу воды наглоталась и даже кричать не могла, бедняжка. К счастью, каким-то чудом это заметила Лариса... – Кудрявцев заметил вопросительный взгляд своего помощника: – Лариса – это жена Германа. Она его разбудила. Он прыгнул в воду и каким-то чудом Лилию спас... – Кудрявцев помолчал. Налил себе еще воды, но пить не стал. – А я бы, наверно, и не смог ее вытащить. Я ныряю плохо. Откровенно говоря, вообще не могу. С легкими проблема. Вот такой яхтсмен...

И снова пауза.

Турецкий некстати вспомнил анекдот. «Вася, что ж ты не спас жену, когда она тонула?» – «А я знал, что она тонет?! Орала как обычно...»

Действительно некстати. Жену Кудрявцева он видел пару раз. Это была близорукая и довольно милая женщина.

Кудрявцев выдохнул и все-таки выпил воды. Очевидно, этот рассказ дался ему непросто. Интересно, в курсе ли Меркулов?

– Поэтому, Александр Борисович, то, что вы сделаете для Шляпникова, будет личным одолжением для меня. Понимаете? Я лично прошу вас помочь решить его проблему, несмотря на то что это происходит неофициальным образом. Разумеется, неволить я вас не могу, но...

Турецкий поднял правую руку ладонью вперед, объясняя этим жестом все: не надо больше слов.

– Спасибо, – сказал генеральный с чувством. Он надел галстук, подтянул узел и продолжил совсем другим, будничным и даже слегка брюзжащим тоном: – Вернемся к текучке. Что с делом Белова?

Турецкий тоже рад был переключиться. Он тезисно изложил.

– Какова ваша версия? – деловито осведомился генеральный.

Начинается, подумал Турецкий. Дня же не прошло.

– Она... очень рабочая.

– Естественно. Была бы она другой, мы уже передали бы дело в суд.

– Владимир Михайлович, не прессингуйте, – скривился Турецкий. – Я же не халтуру и ничем другим сейчас не занимаюсь. Дело только-только реанимировали.

– Вы уже встречались с его семьей, были на месте пре-

ступления?

– Семьи у него нет, на месте преступления я был, – вдохновенно соврал Турецкий.

– Ладно, будет хорошая версия, ознакомьте меня.

– Обязательно. Владимир Михайлович, боюсь, хлопот будет много, в Лемеж ездить регулярно, свидетелей разных тьма... Мне нужен помощник. Есть следователь, который уже занимался этим делом, – из областной прокуратуры. Генеральный хмыкнул:

– Тот самый, который представил дело как самоубийство? Зачем он вам?

– Он только собирал сведения, а заключение сделал прокурор. Очень смысленный парень. И уже в теме. Пригодится. Давайте запросим, чтобы его откомандировали?

– Чего только для вас не сделаешь, Александр Борисович, исключительно из личной симпатии.

– Так ведь все мы так и работаем, – не сдержался наконец Турецкий. – Исключительно из личной симпатии.

Генеральный посмотрел на него удивленно, но промолчал.

Все-таки начальники – парадоксальные люди, думал Турецкий, выходя из кабинета Кудрявцева. Да и люди ли они вообще? Может, инопланетяне? Когда нужны дополнительные усилия для них персонально, это воспринимается в порядке вещей, а вот когда то же самое требуется для дела, решение вопроса преподносится как большое одолжение.

В коридоре возле собственного кабинета Турецкого ждал курьер из областной прокуратуры. Он привез материалы дела об убийстве профессора Белова.

Машины Денис оставил сразу, как въехал на территорию участка Шляпникова. Решил пройтись пешком и все увидеть своими глазами. Сил и времени на это ушло немало – территория была огромна.

Денис шел по длинной дорожке, стараясь разглядеть как можно больше. Впечатляюще выглядел сад с подстриженными кустами. По обеим сторонам стояли огромные деревья, подстриженные так, что они имели вид самых разнообразных и невообразимых вещей – бутылок, стульев, башмаков, даже людей. Одно было даже в виде пачки с выдвинутыми сигаретами!

В другом месте Денис увидел расставленные на лужайке гигантские шахматные фигуры – тоже деревья. Садовник здесь был просто волшебником. Или это скульптор? Или парикмахер?! Что особенно замечательно, шахматный комплект был полный – короли, ферзи, слоны, кони, ладьи и пешки стояли в начальной позиции, готовые к игре.

Впрочем, чем ближе к дому, тем меньше было сюрпризов. Группы елей пламенели подобно холодным факелам. Обогнув их (десять минут ходьбы, не меньше!), Денис увидел сам огромный серый дом и обширный передний двор, окруженный высокой стеной с парапетом и небольшими павильонами с колоннами по внешним углам. Этот особняк, поду-

мал Денис, можно, наверное, увидеть из космоса невооруженным глазом. К дому вел лестничный марш шириной не меньше двадцати метров.

Дверь открыла молодая женщина, вероятно прислуга, которая провела его в бильярдную на втором этаже.

– Герман Васильевич, – объяснила она, – сейчас занят, говорит по телефону, он подойдет к вам примерно через четверть часа.

Шляпников, однако, уже ждал Дениса в бильярдной, видимо, разговор оказался короче, чем предполагался. В руке у него был бильярдный кий.

– Я беседовал со своей бывшей женой, – объяснил Шляпников, – пытался аккуратно, ничего ей не рассказывая, выяснить, все ли у них с дочерьми в порядке?

– А они сейчас где?

– В Германии. Пить хотите, Денис? Жарко сегодня.

– Минеральной воды, если можно. Шляпников приобнял женщину за плечи и поцеловал.

– Дорогая, принеси нам, пожалуйста, «перье».

Это не прислуга, это жена, только теперь сообразил Денис и отругал себя за ненаблюдательность. Плохо. Потеря формы. Как раз сейчас, когда потребуется максимум внимания и концентрации.

– Искренне восхищен вашими деревьями, Герман Васильевич!

Вошла Лариса, услышала последние слова и благодарно

улыбнулась. А Шляпников, Денис заметил это краем глаза, едва заметно поморщился.

– Кто же это сотворил? – Денис взял свой стакан.

– Кто же этот курандейро, – проговорила-пропела Лариса.

– Что значит «курандейро»?

– Колдун-врачеватель – по-испански.

– Занятное словечко. Ну что ж, я, с вашего позволения, займусь домом, а потом познакомлюсь с вашими людьми.

На ознакомление с огромным домом ушел полноценный день. В этом помог Свиридов – шеф службы личной безопасности Шляпникова. Денис не проверял сигнализацию или камеры слежения – для этого были специалисты. Он осматривался. Пытался почувствовать, есть ли в самом доме что-то, угрожающее Шляпникову. Интуиции своей он доверял всецело.

Денис быстро понял, что если будет проверять людей из охраны и об этом станет известно самому Шляпникову, это вызовет его неудовольствие. Ну что ж, для таких деликатных изысканий на свете, точнее, в полумраке офиса на Неглинной есть компьютерный гений Макс.

Макс с заданием справился, как всегда, молниеносно, за исключением того, что не мог гарантировать, что у пяти секьюрити, возглавляемых Свиридовым, были подлинные биографии и имена. С самим Свиридовым, слава богу, все было в порядке. Бывший офицер армейской разведки, он работал на Шляпникова восемь последних лет и тревоги не вызывал.

Послужной список его был безупречен. Высокий, смахивающий на скандинава тридцатипятилетний блондин был предан своему шефу душой и телом – тут никакие компьютерные изыскания не требовались, Денис видел это невооруженным глазом.

Вечером Дениса пригласили к ужину. Лариса в вечернем платье была бесподобна. Мужчины надели легкие пиджаки – все-таки было очень жарко.

– Вы не находите, Денис Андреевич, – говорил за десертом Шляпников, – что в нашем обществе утрачен институт наставничества. Люди не признают авторитетов.

– О! – сказал Денис. – В самую точку! Только ровно наоборот. Мне всегда хотелось повстречать святого старца, который научил бы меня жить. Но я его так и не встретил. А ведь живу-то уже немало, да и по свету поездил.

Лариса засмеялась.

– Да может, вы его встречали, и не раз? – заметил Свиридов.

– То есть как это? А, понял. Он, этот старец, заведя меня, притворялся кем-то другим, это вы хотите сказать? Так почему же он не хотел иметь со мной дела? Почему прятался? Может, глаза мои не замечают святости там, где ее видят другие? Уж в чем, в чем, а в святых-то старцах в нашей стране дефицита никогда не было. А с другой стороны, посмотрите, что в газетах делается? Маг – такой, волшебник – сякой. Наведу это, сниму то, вице-чародей России, главный

колдун Европы...

– Курандейро, – напомнила Лариса.

– Да, занятное словцо, – повторил Денис. – А ведь часто люди, в самом деле запутавшись, не зная, как жить, ищут учителей, и те являются им во множестве, так сказать... – Денис прищурился. Ему интересно было, что скажет Шляпников.

– Не туда идут, – жестко обронил Герман Васильевич.

– Что вы хотите сказать?

– Трудиться надо.

– Это верно, – согласился частный сыщик.

– Знаете, Денис Андреевич, как было во время нэпа? Тогда редко кто откладывал на черный день – люди не верили ни в долголетие новой экономической политики, ни в бумажные банкноты. И время от времени сотрудники ГПУ арестовывали десяток-другой наиболее предприимчивых деляг. Это называлось «снять накипь нэпа». Повар знает, когда ему снимать накипь с ухи, но вряд ли нэпманы понимали, кто они – рыбешка или накипь. Неуверенность в завтрашнем дне всегда придает жизни особый характер.

– Адреналин, вы имеете в виду?

– Нет, – твердо ответил Шляпников. – Свободу. Удивлены? Да, свободу и раскрепощенность. А как творили многие знаменитые художники? Именно попав в такие вот чрезвычайные обстоятельства.

Денис вспомнил, как Турецкий говорил ему про «неоли-

гархичность» Шляпникова, и небрежно обронил:

– Кажется, вы совсем не интересуетесь политикой?

Шляпников ответил не сразу, но зато одним словом. Он закурил, сделал несколько глубоких затяжек и сказал:

– Противно.

– Что же, если не секрет?

– Какой секрет, когда так пахнет? Говорят, власть портит. А на мой взгляд, во власть рвутся те, кто уже *заранее* испорчен. Понимаете, Денис Андреевич?

Денис кивнул, он был почти согласен.

– Я не утверждаю, что там мерзавцы все до единого, – продолжал Шляпников. – Мы же сейчас рассуждаем теоретически, верно? Вот смотрите. Наши либералы по сию пору вменяют в заслугу Хрущеву, да и тем, кто его самого скovyрнул с вершины государственной пирамиды, что начиная с эпохи «оттепели» в стране прекратились какие бы то ни было репрессии в отношении смещенных руководителей. Тут не поспоришь, конечно, – сталинские чистки были чудовищны. Однако же новоиспеченный тезис: «снятые боссы остаются боссами посмертно» – это другая чудовищная крайность, не имеющая никакого отношения к демократии и рыночной экономике западного типа. А ведь этот принцип работает. И люди рвутся во власть... Дураки! Что там хорошего? На свете есть масса гораздо более замечательных вещей! Наука, спорт, искусство, женщины... – Он поцеловал руку жене.

После ужина, гуляя по парку, стали обсуждать пробле-

му транспорта. Денис уже видел машины, на которых ездил Шляпников, и забраковал все до единой.

– Я все понимаю, Герман Васильевич. Для некоторых мужчин машина – второй дом, для многих деловых женщин – часть офиса. В автомобиле бизнес-класса можно обойтись без мигалки и эскорта сопровождения, но нельзя поступиться комфортом и безопасностью.

– Ну а все же, на чем тогда ездить?

– Не мудрствуя лукаво, в бронированном лимузине. Свиридов эту идею тоже всецело поддержал.

Глава четвертая

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СЛЕДОВАТЕЛЕМ СМАГИНЫМ СВИДЕТЕЛЯ КОЛЫВАНОВА:

Вопрос. Когда вы последний раз видели вашего соседа Белова?

Ответ. Вчера и видел. Живой был.

Вопрос. Расскажите подробнее, как это произошло.

Ответ. За спичками я к нему зашел, вот как. Закончились у меня. А кушать-то, известное дело, надо. А плитку как зажечь? Даже зажигалки дома не нашлось. Колька, подлец, это мой младший, с пацанами убежал картошку печь и захватил на всякий случай и спички, и зажигалку. Вот жена и расสวิрепела. А я только со смены был, устал как черт. Слесарь я. Я есть вообще не хотел, на работе перехватил, я ей так сразу и сказал. А она...

Вопрос. Белов выглядел уставшим? Озабоченным? Чего-нибудь опасался?

Ответ. Да нет вроде... Как обычно был. Ну мы ж не каждый день видимся, я не знаю наверняка какой – такой, а какой – эдакий.

Вопрос. Какие у вас с ним были отношения?

Ответ. Нормальные. Не скажу, что не разлей вода друзья. Я ж понимал, что неровня ему. Научный человек, что тут сделаешь. Но разговаривали иногда. Подолгу.

Вопрос. О чем?

Ответ (пауза). Об этом... о природе мироздания, вот. Это он так говорил. Говорил мне: мы с тобой оба люди верующие. Ты в христианском смысле, а я – в научном. Только вот времена поменялись, и нынче я в этом самом, говорил... ну в не в порядке, в общем.

Вопрос. Это почему же он не в порядке?

Ответ. Я так понимаю, что в научном деле все по полочкам должно быть. Вот как у меня в мастерской – инструменты. А Феликсович, он фантазер был. Какой уж там порядок (смеется.) Да и какие мы верующие? Я в церкви сроду не был, даром что крещеный, а уж про него вообще молчу.

Вопрос. Вы знали, что у Белова есть пистолет?

Ответ. Не знал, ей-богу! Это кто угодно скажет. Вот же-ну спросите... И жаль, что не знал! Я такие штуки ужасно люблю. С Колькой моим младшим в тире часто торчим. И вообще... Я еще с отцом на охоту ходил. И в армии...

Вопрос. Когда вы заходили попросить спичек, у Белова дома был кто-нибудь?

Ответ. Чего не знаю, того врать не буду. Дальше прихожей я же не двинулся.

Вопрос. Не слышали посторонних голосов в квартире или шума – в то время, когда Белов с вами разговаривал?

Ответ. Не помню... Нет. Не было такого. *Вопрос.* Как вы думаете, отчего Белов покончил с собой?

Ответ. Женщины у него не было, вот беда. *Вопрос.* Что

вы имеете в виду? Его бросила женщина?

Ответ. Да какое там?! Вообще бабы не было – я ж говорю. Сколько мы здесь живем, считай, уже полтора года, как переехали, ни одной юбки я с ним не видел. Это кого хочешь доконает. А ведь он в нормальных кондициях был. Здоровый, в сущности, мужик. Одногодок мой.

Вопрос. Ошибаетесь. Белов был старше вас на четыре года.

Ответ. Правда, что ли? А как выглядел... Так, может, без баб и лучше?

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СЛЕДОВАТЕЛЕМ СМАГИНЫМ СВИДЕТЕЛЯ МАЙЗЕЛЯ:

Вопрос. Когда вы последний раз видели Белова? *Ответ.* Позавчера.

Вопрос. То есть больше чем за сутки до его гибели?

Ответ. А во сколько он... умер? Будьте любезны, сообщите мне время.

Вопрос. Отвечайте по существу вопроса. Когда вы последний раз видели Белова по отношению к тому моменту, когда вместе с Колывановым обнаружили его труп?

Ответ. Действительно, выходит, больше чем за сутки. Сегодня – понедельник. В воскресенье мы не виделись. Но в субботу разговаривали. Сначала по телефону, а потом встретились в Лаборатории. У нас не разрешена одна техническая проблема, и я предложил Антону Феликсовичу посмотреть

вариант моего решения.

Вопрос. И в воскресенье не виделись?

Ответ. Нет. Я же сказал, что нет. Молодой человек, зачем вы переспрашиваете то, что уже зафиксировано?

Вопрос. И по телефону вы с Беловым тоже не разговаривали?

Ответ. Постойте-ка... Нет, я же был с внуком на рыбалке, какой телефон? Я не беру с собой телефон на рыбалку. Это все знают и могут подтвердить.

Вопрос. Извините, а кто – все?

Ответ. Ну... наши сотрудники.

Вопрос. Сотрудники лаборатории, в которой вы работали вместе с Беловым?

Ответ. Да.

Вопрос. Как вы думаете, отчего Белов покончил с собой?

Ответ (пауза). Это... такая трагедия... Я не знаю, что вам сказать. Мне нечего ответить на этот вопрос.

Вопрос. Вы подозреваете кого-нибудь в причастности к гибели Антона Феликсовича Белова? *Ответ.* Его убили?!

Вопрос. Следствие разберется. Отвечайте на заданный вопрос.

Ответ. К сожалению, мне нечего сказать.

Вопрос. У Белова были враги?

Ответ. Смотря что вы под этим понимаете. В научной сфере – да. Но скорее, тогда не враги, а противники. Для большого ученого, теории которого активно обсуждаются,

это в порядке вещей. Но я не думаю... Да нет! Просто не представляю себе, чтобы кто-то мог пойти на такой шаг... нет, это просто немыслимо. Это заслуженные ученые, кандидаты и доктора наук, академики.

Вопрос. Не хотите ли вы сделать какое-либо специальное заявление следствию? *Ответ.* Я? Нет.

На этом месте допрос заканчивался, и на этом же месте Турецкий задумался. Почему Смагин задал Майзелю такой вопрос? Такой формальный и такой серьезный? Видимо, у него были основания, ведь все прочие вопросы и Колыванову, и Майзелю он задавал очень по делу, за исключением отдельных мелких промахов. Толковый парень, Турецкий в нем не ошибся. А какие могли быть основания? Майзель вел себя так, что дал повод заподозрить в знании дополнительных обстоятельств дела? Выражение лица? Интонация? Или Смагин что-то заметил? Или просто интуиция?

Может быть, Смагин рассуждал так. Колыванов свидетельствовал, что покойный Белов был с головой погружен в работу. Значит, кому же больше знать о его жизни, как не коллеге, который к тому же обнаружил тело Белова – пришел к нему домой. Вполне может быть...

Турецкий прочитал также допросы профессора Колдина и научного сотрудника Лаборатории Ляпина, но тут информации было еще меньше, чем у Майзеля, который хоть тело-то нашел.

Колдин заявил, что не верит в естественную смерть своего шефа, но ничем подкреплять это высказывание не стал. Ну с ним еще предстояло встретиться. Ляпин вообще был ни рыба ни мясо.

Еще допрошены были две женщины-лаборантки и сторож. Сторож в момент убийства спал в Лаборатории, а обе лаборантки находились в Москве, ездили оформлять документы на какое-то оборудование. Сказать всем троим оказалось нечего. Сторож даже не знал, как Белова звать по имени-отчеству, а лаборантки, похоже, пребывали в состоянии, близком к шоку, и отвечали односложно. Никого не подозревали и ни о чем не догадывались.

Турецкий прочитал заключение баллистиков. Потом медицинское заключение. Потом отдельное мнение медика Кондрашова. Это был ординатор местной больницы с большим стажем, которого лемежская милиция регулярно привлекала для экспертных показаний (об этом была приписка Смагина, а инициатива – оперуполномоченного старшего лейтенанта Ананко). Кондратов был согласен с экспертом-криминалистом, который ссылаясь на патологоанатома. Кондрашов вполне однозначно полагал самоубийство.

Итак, три профессиональных в медицинском плане человека квалифицировали суицид. Турецкий мысленно поставил галочку в этом месте.

Еще были протоколы с показаниями трех соседей (Лебедюк К. К., Самосин Н. В., Захарова К. А.), которые ничего не

видели и не слышали, а о Белове отзывались исключительно положительно – в том смысле, что дома он толком и не бывал, а когда бывал, то обычно его было не слышно и не видно (в отличие, кстати, от Колыванова – на это особо указали Лебедюк и Захарова).

Ну и в довершение всего – рапорт опера, старлея Ананко. Тут информации было вообще ноль целых ноль десятых, потому она вся перекрывалась тем, что уже рассказал следователь Смагин, и тем, что прочитал Турецкий в других показаниях. Хотя с опером стоило побеседовать лично, оперы бумагу не любят, но ушки у них на макушке и глаза где надо.

ДНЕВНИК БЕЛОВА

«...Сегодня в Лаборатории мы закончили важную часть работы. К-р! Принесет ли он пользу? Пользу в моем понимании этого слова...

Бог есть любовь? Возможно. Безусловно то, что человек жаждет любви и жаждет быть любимым. Человек в познании мира всегда шел двояко. Желание сохранить чувство любви в любой ситуации рождало понимание высших законов. Оно рождало пророков и мессий. Заповеди, оставленные ими, их информационное поле сохранялось века и тысячелетия, оплодотворяя культуру народов и цивилизаций. Следование этим заповедям, духовные практики, оставленные великими, рождали поколения духовных лидеров, без которых любое государство постепенно вырождалось. С их помощью формировались

общечеловеческие мораль и этика, идеология, правовые нормы. Все это рождало общественные и точные науки. Любому экономическому укладу предшествуют глубинные теоретические концепции. Одновременно познание шло через накопление опыта. Классификация явлений окружающего мира, сравнение, анализ, эксперименты и опыты вели к развитию способностей, интеллекта. И те, кто не ограничился этим, шли дальше: к духовным целям и принципам.

Религия рождала науку. Наука создавала системное понимание мира. И затем, по мере развития, все более тяготела к религии, что в конечном счете приведет к их объединению в рамках нового мировосприятия, где они будут не исключать, а дополнять и взаимно обогащать друг друга. И такое познание было свойственно любому процессу развития!

Итак, очередной этап пройден. В такие минуты я часто вспоминаю, что мой отец был врачом. У него была любимая фраза: «Люди славят мудреца за его любовь к ним, однако, если бы они не сказали об этом, мудрец так и не узнал бы, что любит их». Уж не знаю, откуда он ее выудил, только повторял бесчисленное количество раз. Отец лечил так, как мало кому удавалось. Впрочем, он говорил на старый манер: врачевал. По своему духу и темпераменту он, конечно, гораздо больше был ученым, нежели врачом. Отец всегда оставался самим собою, и его никогда не покидала тяжесть ответственности — она была для него тем же, что для наших тел — земное тяготение, которое заставляет

мускулы совершать усилия, постоянно напрягаться, преодолевать тяжесть тела, но без которого жизнь была бы невыносимой.

Хорошо помню, как я ушел со второго курса физмата и занялся биологией. (Отец уже умер и не знал об этом.) Это новое решение, принятое с такой же головокружительной быстротой, с какой я принимал предыдущие, было попыткой проникнуть в смысл основных ценностей жизни и хоть немного искупить свою вину перед отцом, – попыткой запальчивой и наивной, поскольку я не имел понятия о том, что, собственно, такое профессия врача. Но хотел приблизиться к ней! Оправдать меня может лишь то, что я окончил факультет и в то же время не оставил главной своей цели...

У каждого есть прошлое, при воспоминании о котором начинает бешено колотиться сердце. То, что долго делало тебя счастливым. То, что, по твоему твердому убеждению, должно было продолжаться вечно. Нет ничего труднее, чем перестать принимать прошлое за настоящее. И, избавившись от иллюзий, начать полноценно жить своей подлинной жизнью.

Помню, как, двадцатидвухлетний, я шел по улице. Всюду царил возбужденно-торопливая атмосфера вечера выходного дня. А я плыл сквозь этот бурлящий поток, невозмутимый, безучастный, равнодушно наблюдая, как люди выходят из магазинов, нагруженные свертками, вскакивают в ожидающие их машины, идут в кинотеатры, гуляют в скверах... Но все это

меня уже будто не касалось. В этот самый день я первый почувствовал сильнейшее отчуждение, я понял, что радость жизни для меня больше неведома, радость, счастье, надежда для меня будут в другом – в непрерывном поиске, находках и разочарованиях. Когда Томас Алва Эдисон изобретал нить для лампы накаливания, он перепробовал тысячу разных способов, и все они оказались неудачными. Тогда он сказал: я испробовал тысячу неверных способов. Теперь всего лишь осталось найти один правильный. И он нашел его...»

И это все? – изумился Турецкий. Это даже дневником нельзя назвать. Ни дат, ни временных отбивок. Это нечто гораздо меньшее... или большее, как знать? Может быть, это кусок какого-то научного манифеста. А может, просто отрывки рефлексии ученого на досуге.

Запись была сделана в общей тетради с зеленой обложкой старого советского образца. Турецкий внимательно пролистал ее, нет ли чего между страниц. Увы. Тогда он посмотрел, как тетрадь скреплена. Ага, ну конечно. Оказалось, страницы вырваны. Турецкий посчитал: в 64-страничной тетрадке их было 56.

Это уже кое-что!

Похоже на мотив убийства?

Если только знать наверняка, что эти восемь страниц содержат нечто архиважное. А почему нет, если они предваряются такими гуманитарными рассуждениями об эволюции

науки?

Потихоньку раздражаясь, он позвонил Смагину:

– Олег, ну где ты там? Пропуск на тебя уже заказан. Ты должен сидеть на Большой Дмитровке, рядом со мной. По правую руку. Потому что слева я никого не терплю.

– Сейчас приеду, Александр Борисович, – сказал Смагин отнюдь не виноватым голосом, скорее веселым. – Только-только от своего начальства оторвался. Громы и молнии.

– Понял, подробности можешь опустить. Турецкий спросил о допросе Майзеля, о последнем вопросе профессору.

– Мне показалось, у него что-то есть на уме, – сознался Смагин. – Трудно сказать наверняка. Вы его увидите, сами поймете. Он так разговаривает... Он очень, как это сказать... двусмысленный. В отличие от того же Колдина, у которого все черное или белое. Очень интеллигентный и... колючий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.